SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- А. И. Цомакион
  -
  - Гарибальди и Италия (Введение)
  - Глава I. Детство. Юность и первые шаги на политическом поприще
  - Глава II. Гарибальди в Америке
  - Глава III. События 1848 года
  - Глава IV. Война 1859 года
  - Глава V. Экспедиция “Тысячи”
  - Глава VI. Гарибальди в Неаполе
  - Глава VII. 1861 – 1866 годы
  - Глава VIII. Последние годы жизни
  - Источники
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

А. И. Цомакион
Джузеппе Гарибальди
Его жизнь и роль в объединении Италии
Биографический очерк
С портретом Гарибальди, гравированным в Петербурге К. Адтом, и другими иллюстрациями

Гарибальди и Италия (Введение)

Вся деятельность Гарибальди, вся его жизнь так тесно связаны с судьбою родины, что биографу его на каждом шагу приходится возвращаться к истории Италии. Встречаются люди – это редкие исключения – которые, увлекшись в молодости какой-нибудь одной идеей, до того роднятся с ней, что все свои силы в течение всей последующей жизни безраздельно отдают служению этой особенно дорогой для них идее. К таким исключительным натурам принадлежал Гарибальди, и вот почему: с той поры, как в душу едва сложившегося юноши запала мечта о возрождении его прекрасной родины и вместе с нею страстное желание воплотить мечту в действительность, судьба его неразрывно сплелась с судьбою Италии. Каждый отдельный период его жизни определяется течением событий в его отечестве в соответствующие годы. Только в связи с этими событиями каждый шаг народного героя приобретает настоящий смысл и значение. Узнать и понять Гарибальди можно, только узнав и поняв Италию и те мечты и надежды, которые одушевляли лучшую часть итальянского общества в начале XIX столетия.

В первые десятилетия XIX века печальная политическая судьба полуострова не переставала занимать мысли передовых людей Италии. Сознавая громадные духовные силы своей нации, подарившей миру таких гениев слова, как Данте, Петрарка, Боккаччо, Ариосто, Торквато Тассо, таких мыслителей, как Макиавелли, Галилей, Джордано Бруно, таких корифеев искусства, как Рафаэль и Микеланджело, – люди эти не могли примириться с ее политическим ничтожеством, с приниженностью и забитостью ее народа.

Страна, пережившая блестящую эпоху Козьмы и Лоренцо Медичи, служившая очагом, откуда распространилось знакомство с гением классической древности, страна, из которой разлился яркий поток света, рассеявший тьму средневекового невежества, не должна была оставаться покорной рабой случайных завоевателей. Хотя ни одно государство Европы не пережило тех бедствии, какие выпали на долю Италии, однако в ней таились еще силы, способные поставить ее в один ряд с любым из этих государств. Это сознавали лучшие люди страны и целью своих стремлений ставили вызволить родину из того состояния политического бессилия, которое явилось результатом исторической судьбы полуострова. Богато одаренная природой, наделенная счастливыми климатическими условиями, осененная густою синевою южного неба, залитая светом и теплом, цветущая

страна с давних времен привлекала к себе чужеземцев.

Заглядывая в глубь веков, мы видим, как она поочередно разделяется и расчленяется римлянами, германцами, остготами, лонгобардами, арабами, французами, испанцами. Мы видим ее изнемогающею под гнетом мелких деспотов, раздираемою междоусобными распрями отдельных республик и тираний, угнетенною и обессиленною владычеством пап и нескончаемой борьбой их с императорами, развращенною и поверженною в прах разъедающей язвой кондотьерства. Народный характер, отравленный в самом корне, теряет свою самостоятельность и приобретает рабские, низменные наклонности; в народе исчезает чувство национальности и независимости; угнетенный и подавленный, он погрязает в тупости, суеверии и невежестве. Земля разбита на мелкие владения, самостоятельные или подвластные, потерявшие между собою связь; название “Италия” становится пустым звуком, не имеющим содержания. По мере того, как протекают века в кровавых войнах и нескончаемых бедствиях, из недр исстрадавшегося общества время от времени раздаются голоса, взывающие о слиянии воедино разрозненных частей несчастной родины. Таковы стремления папы Григория VII, такова вдохновенная проповедь Данте, поддержанная голосом Петрарки, попытка Кола ди Риенцо, воззвания Макиавелли. Но эти страстные призывы не находят отголоска в массе народа и с течением времени постепенно умолкают. Сохраняя по-прежнему свою роль покровительницы науки и искусства, Италия в политическом отношении погружается в глубокий и продолжительный сон. Но подобие смерти не есть еще смерть: пробуждение наступит, Италия проснется, когда вокруг нее зашумят соседи.

К тому времени, когда разразилась французская революция, раздробленность страны исключала для нее всякую возможность состязаться с другими государствами в могуществе и богатстве. В обществе царила глубокая апатия. Низший класс по-прежнему пребывал в крайнем отупении, среднего сословия не было, дворянство потеряло всякое чувство личного и политического достоинства, папство и правительство своею политикою подавляли дух национализма и единства. По мнению лучших людей того времени, сохранивших еще патриотическое чувство, всякая надежда на возрождение Италии являлась несбыточной фантазией.

В таком виде застают Италию в 1796 году походы Наполеона I. После мира в Кампоформио облик страны совершенно преобразовывается. Венецианская республика отходит к Австрии, Ломбардия обращена в Цизальпинскую республику, папа изгнан

из Рима, король Фердинанд – из Неаполя, на месте их владений возникают новые республики – Римская и Партенопейская. Пьемонт присоединен к Франции; Модена, Феррара и Болонья образуют республику Циспаданскую. Хозяйничая таким образом в Италии, Наполеон старался только ослабить итальянские государства и подчинить их своему влиянию, мало заботясь о цели пославшей его директории освободить эти земли от тяготевшего над ними гнета. Тем не менее, несмотря на свою неискренность, политика его принесла стране громадную пользу и подготовила почву для событий последующих лет. Введенная им во все отдельные государства однообразная система управления впервые вызвала в этих разрозненных дотоле элементах сознание единства интересов и чувство солидарности. Еще более важное значение для политического развития страны имели нововведения, внесенные “Кодексом Наполеона”: равенство перед законом всех сословий, уничтожение феодальных привилегий и одинаковое для всех право владения землею. Эти нововведения сразу перенесли общество в сферу новых понятий и совершенно изменили его строй. Третьим, и, пожалуй, наиболее плодотворным результатом кратковременного правления Наполеона I в Италии было *возрождение идеи национальной независимости.*

События, ознаменовавшие начало нынешнего столетия, внесли в жизнь Апеннинского полуострова новые перемены. На Венском конгрессе происходит новое распределение его территорий. В Неаполе и Сицилии, еще до походов Наполеона составлявших так называемое королевство Обеих Сицилий, водворен дом Бурбонов в лице Фердинанда IV; королевство Сардинское восстановлено в прежней целости (Пьемонт и остров Сардиния), и, кроме того, к нему присоединена еще Генуя.

На основании постановления Венского конгресса большая часть полуострова попадает под власть Австрии или находится в более или менее непосредственной от нее зависимости. Но Италия 1815 года уже далеко не Италия 1796-го. Новые течения уже охватили общество, проникли в литературу. Ряд выдающихся писателей начал дело перевоспитания народа. Отчаяние и негодование, вызванные военным деспотизмом Наполеона, наиболее резко выразились в сочинениях Альфьери и Уго Фосколо. Альфьери с искренним сочувствием приветствовал разрушение старого порядка во Франции; но после завоевания Италии Наполеоном в нем пробудилось страшное негодование против французов, “этой нации тигров, осквернивших свободу”, как он их называл. В трагедиях своих, проникнутых ненавистью к существующему порядку, он громит итальянское общество,

рисует весь ужас его падения и, противопоставляя ему величие героев древности, указывает новые пути, новые идеалы. Изгнанные со сцены публичных театров трагедии эти появляются в тавернах и на площадях, разыгрываемые бродячими актерами и даже простыми рабочими. Уго Фосколо, подобно Альфьери сначала ожидавший возрождения Италии от революционной Франции, видя несбыточность своих надежд, посвящает себя литературе, чтобы этим путем влиять на соотечественников. Своими сочинениями, имевшими на итальянцев еще большее влияние, нежели трагедии Альфьери, он старается возбудить в порабощенной нации чувство собственного достоинства, чтобы, по крайней мере, заменить уважением презрение к ним победителей. Он упрекает итальянцев в инертности, в пассивном ожидании свободы от щедрот других народов, на долю которых они оставляют труды и опасности, в то время как сами ограничиваются платоническим желанием быть независимыми.

От слова недалеко было до дела.

Но не только эти, так сказать, чисто внутренние импульсы пробуждали Италию к новой жизни; весь ход политических событий на континенте способствовал скорейшему осуществлению задач итальянских патриотов. Италия не могла оставаться чуждой тем новым стремлениям, которые охватили всю Европу в первые десятилетия XIX века и выразились в так называемых национальных движениях. Течения эти нашли в стране почву вполне подготовленную, свежая волна новых веяний увлекла Италию и вызвала образование тайных обществ с патриотическими задачами. Между последними особенно выделялось общество карбонариев или угольщиков, густою сетью покрывшее всю страну. Первоначальная цель этого общества заключалась в изгнании французов, но впоследствии программа его расширилась, хотя никогда не отличалась определенностью. Таким образом, к началу двадцатых в Италии образовалась партия действия, которая заявляет себя рядом частных восстаний.

Если дух времени и естественная эволюция политических воззрений способствовали благополучному разрешению борьбы Италии за независимость, то не менее обязана она успешным ходом этой борьбы тем великим деятелям, которые в трудную минуту отдали ей свои силы и свою безграничную любовь. В импонирующем величии выступают четыре центральные фигуры этой эпохи в истории Италии. Несмотря на несходство ролей, выпавших на долю каждого из них, несмотря на существенное различие в подробностях своей политической программы, Мадзини, Гарибальди, Кавур и Виктор Эммануил успешно доводят до конца дорогое для них дело, благодаря главным

образом самоотвержению и стойкости, которыми характеризуется деятельность каждого из них. Можно сказать безошибочно, что несходство личных характеров, приемов и общественного положения этих четырех главных деятелей в истории освобождения Италии послужило только на пользу ее делу. Страстная проповедь Мадзини увлекает, главным образом, мыслящую часть общества; на массу народа обаятельно действует своими небывалыми подвигами “человек великих инстинктов”, сын народа, Гарибальди, соединивший в себе, как в фокусе, лучшие черты своей нации и потому для нее понятный; конкретным олицетворением единства этой нации является в глазах массы, всегда нуждающейся в конкретных образах, король Сардинский Виктор Эммануил, и, наконец, Кавур своей удивительно проницательной и осторожной политикой сдерживает слишком стремительное движение народной партии и спасает дело родины. В стороне от них стоит Наполеон III – пятый выдающийся участник в деле создания единой Италии. Иностранец, действующий отчасти во имя отвлеченной идеи, лежащей в основе его национальной политики, отчасти же и главным образом во имя чисто династических интересов, чуждый, следовательно, искреннему увлечению итальянских патриотов, он протягивает Италии безусловно ей необходимую, хотя и не бескорыстную руку помощи, без которой еще неокрепшая страна не могла бы завершить своего великого дела; но затем надолго тормозит это дело, преследуя цели совершенно противоположные.

Глава I. Детство. Юность и первые шаги на политическом поприще

Родина Гарибальди, его происхождение, семейная обстановка и воспитание. – Черты характера героя, обозначившиеся в детские годы. – Страсть к морю и первые плавания. – Гарибальди-воспитатель. – Встреча с мадзинистом. – Знакомство с сен-симонистами. – Приезд в Марсель; знакомство с Мадзини. – Личность и политическая программа последнего. – Сен-Жульенская экспедиция. – Заговор в Генуе. – Бегство. – Смертный приговор. – Жизнь в Марселе. – Служба на корабле "Union". – Служба у тунисского бея. – Холера в Марселе. – Отплытие в Америку

Еще несколько лет тому назад на набережной "Lunel" в Ницце ютился среди других более значительных построек маленький домик, в котором родился Джузеппе Гарибальди. Он явился на свет 22 июля 1807 года в той самой комнате, которая была уже знаменита рождением в ней Массены. Впоследствии, при расширении коммерческого порта, домик был снесен. Его купил один англичанин, который перенумеровал все камни, чтобы построить его вновь в другом месте.

Джузеппе был вторым сыном Доменико Гарибальди и его жены Розы Богиадо. Генеалогией его занимались очень много; некоторые биографы ведут род итальянского героя от знатной немецкой фамилии владетельных князей. Сам же Гарибальди никогда не интересовался вопросом о своем происхождении и в мемуарах не дает о нем никаких сведений. Достоверно лишь то, что он происходил из семьи моряков. Отец его, также сын моряка, имел свой корабль и занимался торговлей. Джузеппе был любимец в семье. Окруженный ласкою и заботами родителей, воспитанный в любящей атмосфере родной семьи, ребенок, в свою очередь, платил своим кровным самою нежною привязанностью. Впоследствии среди бурных событий своей обильной приключениями жизни он навсегда сохранил это чувство в неприкосновенной силе и свежести. Его добрая мать была для Гарибальди предметом благоговейного почитания.

"Что касается моей матери, – говорит он в своих мемуарах, – то я с твердостью могу сказать, что она была образцовой женщиной... И чему приписать я должен эту сильную любовь мою к отечеству, эту непреклонную преданность ему, как не соболезнованиям моей матери о несчастных, как не состраданию ее к несчастным? Я не суеверен, но скажу с твердою уверенностью

в истине моих слов, что в случаях наиболее страшных и ужасных в моей жизни, когда волны океана ревели и с яростью бились о борт моего корабля, подымая его, как легкую соломинку, когда пули со свистом пролетали мимо моих ушей подобно бурному ветру, когда, наконец, кругом меня сыпался град пуль или ядер, – мне всегда представлялась мать, стоящею на коленях перед образом Спасителя”...

Много было таких трудных минут в жизни Гарибальди; скоро случаи смертельной опасности стали в глазах его явлением заурядным, не стоящим внимания, но память о матери навсегда осталась для него окруженной тем же ореолом святости и чистоты. Посещавшие его уединенное жилище на острове Капрере, где народный герой провел многие годы своей жизни и скончался, могли видеть среди скромной обстановки его спальни портрет почтенной старушки, с головою, повязанной красным фуляром, с бледным, но прекрасным лицом. Тем, кто останавливался перед этим портретом, он говорил с волнением: “Это моя мать”.

К отцу Гарибальди сохранил глубокое чувство благодарности. Упоминая в своих мемуарах о материальном положении семьи, постоянно подвергавшемся переменам то к худшему, то к лучшему, он между прочим говорит об отце:

“В одном я не сомневаюсь, а именно в том, что все деньги, которые он бросал на ветер, которые он спустил с большим удовольствием, были деньги, употребленные им на мое воспитание, хотя это воспитание было тяжелым бременем для его финансов”.

Тем не менее, несмотря на заботы отца, воспитание Гарибальди было, по его собственному выражению, далеко не аристократическим. Ни гимнастике, ни фехтованию, ни верховой езде его не учили. Гимнастике выучился он, лазая по вантам и спускаясь по канатам, фехтованию – защищая свою голову и стараясь размозжить голову другим, а верховой езде – подражая диким наездникам Южной Америки – гаучо. Единственным телесным упражнением Гарибальди в молодости было плавание, которому он выучился также без учителя. Плавал он, как рыба, и, конечно, имел право считать себя одним из лучших пловцов в мире. Причину многих пробелов в своем воспитании Гарибальди объясняет тем положением, в каком в то время находилось вообще дело воспитания в Пьемонте. Оно всецело было предоставлено священникам, которые стремились делать из молодых людей скорее монахов, нежели граждан, способных служить на пользу несчастной стране.

Первым учителем мальчика был падре Джованни Джаколе,

дальний родственник, постоянно живший в семье. Занятия с ним шли вяло и скорее походили на забаву. Зато старший брат Гарибальди, Анжело, тщательно следил за успехами ребенка в науках и старался развить в нем любовь к умственному труду. Кроме того, у Джузеппе был еще другой прекрасный учитель – бывший офицер Арена, который серьезно занимался с мальчиком и имел громадное влияние на его развитие, как умственное, так и нравственное. Арена приохотил своего ученика к занятиям математикой, и Джузеппе с увлечением предавался им. Но не в этом заключалась главная заслуга учителя. Громадное значение его в воспитании ребенка состояло преимущественно в том, что он заставил его основательно познакомиться с родным итальянским языком, которому по большей части не обучали детей в Ницце. Близкое соседство ее с Францией наложило свою печать на воспитание юношества; благодаря ему родной язык находился здесь в совершенном пренебрежении. На уроках отечественного языка Арена имел обыкновение читать со своим учеником римскую историю; эти чтения развивали в ребенке благоговейное удивление к его великим предкам и зародили в нем пока еще неясные, но глубоко запавшие в юную душу мечты о возможном прекрасном будущем для боготворимой родины.

“Рим, представлявшийся моему воображению в период моей юности, – говорит он, – был не только Рим в прошедшем, но и Рим в будущем, которому завидуют, который преследуют государства, потому что, будучи центром просвещения, он выводил народы на путь света и истины. О Рим! Когда я думал о бедствиях, его постигших, о его несчастьях, он для меня делался дороже и священнее всего на свете”.

Не менее сильное впечатление производили на мальчика рассказы Арены о сражениях, в которых ему приходилось участвовать. В такой чуткой и впечатлительной душе, какова была душа ребенка, подобные рассказы не могли не оставить глубокого следа; они воспитывали в нем чувство рыцарской отваги, и мало-помалу, черта за чертой, слагались элементы его героической натуры. Силы накапливались и просились наружу.

Гарибальди не было еще восьми лет от роду, когда он совершил свой первый геройский поступок. Однажды, отправившись со своим двоюродным братом на охоту в Вар, он подошел к глубокой канаве, в которой прачки обыкновенно полоскали белье. Одна из них, занятая обычной работой, поскользнулась и упала в воду. Недолго думая, ребенок бросился за женщиной и спас ее.

Но не только в таких отважных подвигах человеколюбия выражалась сердечная доброта мальчика. В своих мемуарах он

сам сознается, что с детства обладал добрым сердцем, и рассказывает, что всегда чувствовал особенную нежность ко всему слабому и страждущему. Жалость эта простиралась у него и на животных, или, как он сам говорит, начиналась с них. Так, например, однажды он поймал сверчка и нечаянно оторвал ему лапку; это так огорчило мальчика, что он заперся в комнате и в течение нескольких часов неутешно плакал.

Другой эпизод из детства Гарибальди представляет особый интерес, служа доказательством, что уже в эту пору в ребенке зарождалась любовь к подвигам и необычайным приключениям. Заскучав от однообразия классных занятий, он предложил трем товарищам самостоятельно прокатиться в Геную. Сделав небольшие сбережения со школьных завтраков, мальчики запасли немного провизии и, уложив ее в рыбацкую лодку, отправились в путь. Они уже достигли Монако, когда их нагнало судно, посланное за ними отцом Гарибальди. Оказалось, что об их проделке рассказал аббат, видевший, как они отчаливали от пристани.

Наряду с этими чертами характера уже в раннюю пору жизни у Гарибальди стала обнаруживаться необыкновенная любовь к морю. Влечение это крепло с годами и обратилось наконец в настоящую страсть. Родившийся у моря, всегда имевший его перед глазами, ребенок сроднился со стихией. Чудные картины, развертывавшиеся перед ним, всегда новые и чарующие в своем бесконечном разнообразии, внесли в его душу зачатки поэзии. Море поражало его слух так же, как и зрение; оно раскрывало перед ним целый мир восхищавших его звуков. Он ловил эти звуки, то баюкающие и ласкающие, подобные певучему andante, то могучие и торжественные, то грозные, то стонущие, то рыдающие, и в душе его крепли и натягивались добрые, симпатичные струны, в уме слагались понятия о величии, свободе и силе, воображению рисовались неясные, но уже манящие перспективы будущих подвигов. Так же как и близкие люди, море внесло свою лепту в воспитание ребенка, и он не мог не любить его как необходимый аксессуар своей детской обстановки, как нечто родное, почти одушевленное. Он чувствовал, что родился моряком, что там, в этом широком просторе, среди шумящих волн найдут себе приложение рвущиеся наружу стихийные силы его души.

Долго противился этому влечению отец, мечтавший о более спокойной карьере для сына; он думал сделать из него священника, адвоката или доктора. Но с настойчивостью, свойственною прирожденному призванию, ребенок победил отца и отправился наконец в море. Первую свою поездку он совершил

в Одессу на бригантине “Констанца”. Это первое морское путешествие еще более укрепило в мальчике убеждение, что он создан моряком. Отец не мог уже противиться его желанию и покорился. Но во второй поездке, в Рим, он решился сам сопровождать сына, так как путешествие Джузеппе в Одессу послужило для него источником нескончаемой тревоги. С восторгом пустился мальчик в это второе плавание: он должен был увидеть Рим, который, по его словам, не мог быть для него ничем иным, как “столицей мира”.

Некоторое время Гарибальди вместе с отцом занимался каботажным плаванием, а затем предпринял ряд путешествий в Левант. В этих путешествиях ему пришлось впервые лицом к лицу познакомиться с опасностью. Не раз нападали на судно морские разбойники. Гарибальди рассказывает, что в одну и ту же поездку они два раза были атакованы пиратами и совершенно ограблены; когда же в третий раз на них напали другие пираты и для них не нашлось уже ничего на корабле, то это привело разбойников в неописуемую ярость.

Однажды, прибыв в Константинополь, Гарибальди сильно заболел; при отсутствии у него денежных средств болезнь грозила ему большими неприятностями. Но Гарибальди всегда имел счастье находить людей, готовых ему помочь. В нем приняла участие одна дама, уроженка Ниццы, по имени Луиза Савего. Она заботливо ухаживала за ним в течение всей болезни и снабжала его всем необходимым. Так как это происходило во время войны между Турцией и Россией, то Гарибальди не мог тотчас же выехать из Константинополя и занял место наставника при трех маленьких мальчиках в семействе вдовы Титани, итальянки. Проведя несколько месяцев в этой семье, он впервые поступил капитаном на бригантину “Св. Богородица” и на ней отплыл из Константинополя.

В течение некоторого времени еще продолжались морские плавания Гарибальди, во время которых он не переставал обогащать себя знаниями и пополнять пробелы своего образования. При этом постоянно и неотвязно приковывала к себе его внимание мысль о возрождении Италии.

“Всегда проникнутый высоким чувством патриотизма, – говорит он, – я во всех обстоятельствах моей жизни не переставал спрашивать то людей, то книги, открывавшие мне свои таинства, то, наконец, сами события, о воскрешении Италии; до двадцати четырех лет эти поиски мои оставались тщетными, и я бесполезно утомлял себя такими вопросами”.

Наконец представился случай разрешить эти мучительные вопросы. Как-то, прибыв в Таганрог, Гарибальди зашел в один из

скромных трактиров, где обыкновенно собирались моряки за стаканом вина. Тут застал он нескольких итальянцев; между ними оказался член “Молодой Италии”, общества, незадолго перед тем основанного Мадзини. Гарибальди услышал горячую речь молодого патриота, говорившего о страданиях родины. С пылом, свойственным молодости, член “Молодой Италии” защищал мысль, что возмущение представляет единственный путь к спасению страны. Для Гарибальди эта речь была своего рода откровением.

“Для нашей несчастной страны оставался еще луч надежды, – говорит он в своих мемуарах, описывая, под каким впечатлением он оставил маленький трактир в Таганроге. – Христофор Колумб – я объявляю это публично – не был счастливее, когда, заблудившись в Атлантическом океане, не зная, куда направить путь, осыпаемый угрозами своих спутников, у которых он просил еще три дня иметь терпение, услышал в конце третьих суток столь радостное для него восклицание: “Земля!” – Он не был, говорю я, счастливее меня, когда я услышал крик *“отечество!”*. Следовательно, были люди, которые думали об освобождении Италии!”.

Гарибальди тогда поклялся умереть за отечество.

В том же году партия сен-симонистов, изгнанных из Парижа, отправлялась на восток на корабле, которым командовал Гарибальди; между ними был известный Эмиль Барро, предводитель маленькой колонии ссыльных. Гарибальди подошел к Барро, заявил о своей национальности, и тотчас же между ними завязалась откровенная беседа, в которой сен-симонисгы посвятили молодого итальянца в свои широкие идеи братства, равенства всех людей, в свои мечты об уничтожении бедности и страдания на земле, в свой культ женщины и так далее. Юноша был пленен. Внезапно кругозор его расширился; родина, нация отступили назад перед всеобъемлющей идеей человечества.

“Я возвращался полный энергии, полный новых идей, – говорит он, – жадный до новых событий, и спрашивая самого себя – не было ли в этом непреодолимом призвании, которое я чувствовал в себе, быть отважным мореходом, еще новых, не замеченных мною горизонтов? И я видел уже эти горизонты сквозь неясный и отдаленный туман будущности”.

После этого перелома в своей жизни Гарибальди не мог уже заниматься торговлей; он горел желанием сделать что-нибудь для Италии и с этою целью отправился в Марсель, где жил в то время Мадзини. Туманные грезы, навеянные уроками Арены, начинали принимать определенные очертания.

По приезде в Марсель в 1831 году Гарибальди познакомился

с Мадзини. Сын доктора, человека выдающегося по образованию и нравственным качествам, Джузеппе Мадзини вырос в среде, где, так сказать, с молоком матери всосал в себя идеи о независимости Италии. Окончив университетское образование, он выбрал для распространения своих идей литературное поприще как, по его мнению, единственно пригодное для этой цели. Выступая в литературе в переходную эпоху борьбы классицизма с романтизмом, он прежде всего постарался выяснить себе обязанности итальянского писателя и следующим образом определил их:

“Изучать наши исторические воспоминания, забытые или непонятые сочинения наших великих людей, стремления итальянского народа в прошедшем; говорить итальянской молодежи о величии ее предков, рассказывать историю их падения и его причины; пробуждать уважение к людям, пострадавшим за исполнение своего долга, и презрение к изменившим ему из любви к материальным наслаждениям; внушать, что только нравственные основы могут создать великий народ, проповедовать любовь мужчины и женщины в равноправном союзе – такова обязанность писателя наших дней”.

Достаточно прочитать эти строки, так удивительно гармонировавшие с настроением Гарибальди, чтобы сказать с уверенностью, что, познакомившись друг с другом, Мадзини и Гарибальди не могли не сделаться друзьями. В то время Гарибальди было 24 года; Мадзини был годом моложе, но далеко старше его политическою опытностью и образованием. Несмотря на свои 23 года, он уже успел многое перенести, много поработать на пользу родины.

Литературные занятия не могли долго удовлетворять Мадзини. Стремясь расширить круг своей деятельности, он поступил в общество карбонариев, где вскоре получил степень магистра, а затем в непродолжительном времени и высший ранг. За свою принадлежность к обществу Мадзини подвергался преследованию властей и, будучи еще почти юношей, должен был оставить отечество. С тех пор он постоянно вел жизнь скитальца. Вскоре, однако, последовало для него разочарование в карбонариях, и он разошелся с ними. Мадзини упрекал их в выборе вождей среди высших классов, в пренебрежении к массе народа, в отсутствии положительных идеалов, в служении лишь *свободе* и *независимости* при полном игнорировании равенства, в излишней формалистике и театральности, и, наконец, в монархизме. Во всем этом он видел признаки разложения и взамен составил собственный план нового общества “Молодая Италия”, включая в этот план программу не только

политического преобразования, но и коренных изменений в нравственном и религиозном строе общества.

К тому времени, когда Мадзини познакомился с Гарибальди, он только что основал общество “Молодая Италия” и начал издавать журнал под таким же названием. Программа его заканчивалась рядом следующих положений, приводимых нами в кратком извлечении: 1) итальянскую нацию составляют все итальянцы; 2) “Молодая Италия” должна быть республиканскою и единою; 3) члены “Молодой Италии” не должны забывать, что без нравственных основ нет гражданина; 4) средства “Молодой Италии” – воспитание и восстание; 5) вначале для успеха восстания необходима диктаторская власть.

Гарибальди, сразу поддавшийся влиянию Мадзини, всецело примкнул к этой программе и вступил в “Молодую Италию”. Таким образом, сошлись эти два человека – натуры диаметрально противоположные. Фанатик и аскет, Мадзини все силы своего духа вложил в одну, безраздельно поглотившую его идею; мягкости и терпимости Гарибальди, всегда легко угадывавшего малейшее движение чужой души, он противопоставлял суровую непреклонность, которой напоминал фанатического сектанта. Мадзини жил постоянно в сфере общих идей и редко спускался с высоты своего идеала к фактам действительности; Гарибальди был создан для жизни среди себе подобных, на страдания и радости которых так легко отзывалось его чуткое сердце. Если впоследствии Гарибальди стал идолом своего народа благодаря неиссякаемому источнику любви и сострадания к ближним, если в тяжелой и полной лишений жизни его согревали отраженные лучи того самого пламени, которое теплилось в душе героя, то железный характер Мадзини, необычайная сила его ума и непоколебимая вера в свою идею сделали его единственным, всеми признаваемым главою движения, santo maestro (святой учитель), как его называли. По одному его слову люди шли на виселицу, под расстрел и гибли в казематах. Такою личностью не мог не увлечься восторженно настроенный молодой Гарибальди. При первом же знакомстве он предложил Мадзини свои услуги, уверяя, что на него можно положиться.

В то время Мадзини был занят организацией так называемой сен-жюльенской экспедиции. Гарибальди взял на себя миссию вербовать на море сторонников революции; с этою целью он поступил во флот на государственную службу, причем действовал так успешно, что фрегат “Эвридика”, на котором он служил, готов был примкнуть к восстанию. Ядро заговора группировалось вокруг Мадзини в Женеве, куда он принужден был удалиться из Марселя по настоянию французских властей. Оттуда условлено

было ожидать сигнала, и тогда две колонны должны были одновременно проникнуть с разных сторон в Пьемонт. Начальником экспедиции был выбран польский генерал Раморино. Мадзини не одобрял этого выбора, но должен был уступить общему желанию. Скоро обнаружилось, насколько он был прав.

Раморино не верил в успех экспедиции и бесконечными проволочками более чем на год затянул ее осуществление. Когда, наконец, по настоянию Мадзини войска выступили в поход, Раморино, вместо того, чтобы направиться согласно условию в деревню Сен-Жюльен, стал без цели бродить вокруг Женевского озера. Тогда Мадзини, потеряв терпение, сам примкнул к отряду Раморино, чтобы следить за действиями генерала. Но болезнь свалила его в ту минуту, когда он готовился сразиться с правительственными войсками, окружившими отряд. Оказалось, что весть о заговоре успела достигнуть правительства, и дело Мадзини было проиграно. Одна из колонн была задержана швейцарскими войсками, а другая – частью взята в плен, частью рассеяна.

Между тем Гарибальди, находившийся на своем судне, ждал условленного сигнала с суши. Но время проходило, не принося с собою ожидаемых вестей; тогда Гарибальди предоставил фрегат на попечение других, а сам в легком челноке отправился в Геную. Причалив к таможне, он поспешил на площадь Сарзана, где находились казармы для жандармов и откуда должно было начаться восстание. Пробыв на площади около часу в бесплодном ожидании, Гарибальди узнал наконец, что экспедиция не удалась и что некоторые лица уже арестованы. Вскоре на площади стали появляться правительственные войска. Для Гарибальди представлялся единственный исход – немедленное бегство. Он укрылся у одной торговки фруктами и рассказал ей обо всем. Добрая женщина спрятала его в комнате за лавкой, и к вечеру, переодетый в крестьянское платье, медленной походкой, как бы для прогулки, он вышел из города. Избегая большой дороги, перебираясь через плетни и заборы, пуская в ход все свои гимнастические навыки, он на десятые сутки ночью благополучно добрался до Ниццы и пришел прямо к тетке, не желая неожиданным появлением испугать свою мать. Пробыв целый день в Ницце, он на следующую ночь отправился в дальнейший путь по направлению к Марселю. Его сопровождали двое товарищей. Подойдя к Вару, они заметили, что вода в нем вследствие последних дождей сильно поднялась. Переправа через Вар очень опасна и в обыкновенное время, а тем более в половодье. Но Гарибальди не мог медлить; простившись со

своими товарищами, он вплавь переплыл бурную реку. Это был геройский подвиг для всякого другого, но не для Гарибальди. Выйдя на берег, он прямо подошел к пограничной страже и объявил, кто он и зачем бежал из Генуи. Его арестовали немедленно и в ожидании дальнейших распоряжений из Парижа отправили под конвоем в Драгиньян. Здесь его ввели в комнату на втором этаже с окном, выходившим в сад. Делая вид, что хочет полюбоваться пейзажем, он смерил глазами расстояние до земли и, недолго думая, выпрыгнул из окна. В то время как менее ловкие таможенные надсмотрщики делали большой круг по лестнице, Гарибальди уже очутился на дороге и побежал к горам. Он не знал дороги в Марсель, но опытный моряк всегда определит по звездам, какого направления следует держаться. Придя на другой день в лежавшую по пути деревню, Гарибальди зашел в гостиницу, где нашел хозяина с хозяйкой за ужином. Ему предложили место за столом. Между гостем и хозяевами завязалась беседа, и Гарибальди рассказал своим добродушным слушателям, каким образом он добрался до их деревни и как избежал смерти на родине и тюрьмы во Франции. Испуганный хозяин заявил, что, к сожалению, должен арестовать его. На это Гарибальди ответил, что спешить с арестом нет надобности, так как он еще голоден, и спокойно продолжал есть. Между тем в гостиницу собрались обычные посетители. Хозяин перестал говорить об аресте, но продолжал зорко следить за своим подозрительным гостем. Желая успокоить его хотя бы с одной стороны, Гарибальди нарочно зазвенел несколькими экю, находившимися у него в кармане. Затем, выбрав минуту, когда один молодой человек при общих криках “браво” только что кончил модную тогда песню, подошел к окружавшим певца слушателям со стаканом в руке. “Теперь моя очередь, господа!” – сказал он и запел переложенные на музыку стихи Беранже, у Гарибальди был прекрасный тенор, и песня вызвала общий восторг. По всей гостинице раздавались крики: “Да здравствует Беранже, да здравствует Франция, да здравствует Италия!” Вся ночь прошла в пении, а на рассвете компания дружески проводила певца в дальнейший путь. “Беранже умер, – замечает Гарибальди, – конечно, не зная об услуге, которую он мне оказал!”

Прибыв благополучно в Марсель, Гарибальди узнал уже достоверно, что избежал в Италии смертной казни. Вместе с Мадзини и некоторыми другими участниками восстания он был присужден к повешению. “Виновные, – гласит приговор, – должны быть преданы в руки палача, который, надев им петли на шею, проведет их по городу в торговый день до места казни, где они

будут повешены”.

Несколько месяцев прожил Гарибальди в Марселе без всяких занятий в доме своего друга. Опасаясь ареста, которого еще можно было ожидать, он переменил свое имя и назвался Иосифом Паном. Вскоре для него нашлось место матроса второго разряда на корабле “Union”. В это время ему удалось снова спасти жизнь ближнему. Однажды, разговаривая со своим капитаном, он заметил, как мальчик, прыгавший с барки на барку у набережной, упал в воду. Гарибальди моментально бросился за ним в своем праздничном платье и, два раза нырнув безуспешно, на третий раз вытащил ребенка из воды. Громкие крики “браво” встретили его, когда он сложил на берегу свою ношу. “Слезы радости и благословления матери ребенка, – говорит он, – щедро наградили меня за мой подвиг”.

На корабле “Union” Гарибальди совершил свое третье путешествие в Одессу, а затем поступил на службу на фрегат тунисского бея, который желал организовать свой флот по-европейски. Но служба эта оказалась не по душе Гарибальди, и он поспешил вернуться в Марсель.

Вернувшись, он застал город в глубоком трауре. Холера, свирепствовавшая в 1835 году по всей Европе, хозяйничала теперь в Марселе. В городе не оставалось никого, кроме больных, докторов и сиделок; все население выехало, что делало Марсель похожим на обширное кладбище. В госпиталях не хватало сиделок, и доктора искали добровольцев. Руководствуясь своим решением служить не только родине, но и всему человечеству, повинуясь влечению своего доброго сердца, Гарибальди поступил в госпиталь и все время, пока свирепствовала болезнь, добросовестно исполнял тяжелую обязанность сиделки.

К тому времени, когда эпидемия стала ослабевать, Гарибальди представился случай поступить вторым матросом на бриг “Мореплаватель”, отправлявшийся в Америку. Жажда повидать новые страны овладела им: он поступил на бриг и с ним отплыл в Рио-де-Жанейро.

Глава II. Гарибальди в Америке

Приезд в Рио-де-Жанейро. – Россети. – События в Бразилии. – Гарибальди-корсар. – Тюрьма и пытка. – На службе в республике Рио-Гранде. – Постройка ланцион. – Кораблекрушение. – Женитьба. – Такварийское сражение. – Сен-Симон. – Рождение сына. – Девять дней в лесу. – Отъезд в Монтевидео. – Вожатый быков. – Торговец и учитель математики. – На службе республики в Монтевидео. – Итальянский легион. – Бедность Гарибальди

Приехав в Рио-де-Жанейро, Гарибальди почти сейчас же нашел себе друга, что было вполне неожиданно в этой части света. Случайно встретился он с молодым итальянцем по имени Россети, уже раньше поселившимся в Америке, и очень скоро близко сошелся с ним. В то время Америка служила любимым местом эмиграции для итальянцев, недовольных государственным строем отечества. Гонимые за свои убеждения, не находя сочувствия своим взглядам, не видя возможности приложить свои силы на родине, они отправлялись в Америку и здесь искали дела, отвечавшего их душевному складу. Для этих людей, проникнутых, подобно многим своим соотечественникам того тяжелого времени, идеей служения всемирной свободе, Америка становилась вторым отечеством, и они охотно отдавали ей силы, отвергнутые в Италии. К этим людям примкнул Гарибальди.

Первые месяцы провел он, как говорит сам, в безделии: купив маленькое морское судно, занимался торговлей. Но вскоре ему представился случай примкнуть к одной из политических партий в стране, познакомившись с Замбекари, секретарем Бенту Гонсалвиша, президента Рио-Грандской республики, воевавшей в то время с Бразилией.

Гарибальди вооружил небольшое судно для плавания вдоль берегов и назвал его “Мадзини”. Во время одного из таких плаваний с командою из 16 человек, с оружием и амуницией, спрятанными под вяленой говядиной и маниоком, Гарибальди заметил голет с бразильским флагом и направил “Мадзини” прямо на него. Подойдя к голету, Гарибальди объявил, кто они, и требовал немедленной сдачи. Растерявшаяся команда не протестовала. Гарибальди взошел со своими людьми на палубу и таким образом завладел голетом. Считая себя во власти морских разбойников, один из пассажиров, бедно одетый, подошел к Гарибальди и открыл перед ним маленький ящик, в котором лежали бриллианты. Эти камни он предлагал в качестве выкупа

за свою жизнь. Гарибальди взял ящик, запер его и отдал пассажиру, говоря, что так как жизнь его не находится в опасности, то он может приберечь свои сокровища до другого случая. Оружие и припасы, находившиеся на “Мадзини”, были немедленно перенесены на голет, и “Мадзини” был потоплен. Голет оказался принадлежащим богатому австрийцу, отправлявшемуся с грузом кофе в Европу; национальность владельца служила для Гарибальди лишним аргументом в пользу присвоения судна. Голет, названный новым капитаном “Скоропилья”, направился в Рио-де-Ла-Плата. По пути лежал остров Св. Екатерины. Гарибальди, желая раз и навсегда дать своей команде урок обращения с пассажирами, спустил с голета единственную бывшую в его распоряжении лодку, велел усадить в нее всех пассажиров, снабдил их провизией и, подарив им лодку, разрешил плыть куда угодно.

Прибыв в Мальдонато, где был принят очень дружелюбно, Гарибальди отправил Россети продать часть кофе, захваченного вместе с голетом. Вскоре оказалось, что Ориб, начальник республики Монтевидео, приказал правителю города Мальдонато арестовать корсаров. Правитель, не исполнив приказания, посоветовал, однако, Гарибальди как можно скорее оставить город. Но Гарибальди нуждался в деньгах для своей команды и решил, что не выйдет из гавани, пока не рассчитается с одним купцом, взявшим у него в кредит несколько мешков кофе, за которые не хотел теперь платить. Несмотря на крайнюю опасность быть арестованным, он отправился около девяти часов вечера в квартиру купца, захватив с собою пару пистолетов. Купец только что вышел на крыльцо полюбоваться прелестным вечером. Увидев издали фигуру Гарибальди, он стал показывать знаками, что ему следует удалиться как можно скорее. Но Гарибальди сделал вид, что ничего не понимает и, подойдя к купцу, в упор приставил ему к горлу пистолет. “Подавай деньги!” – воскликнул он и, заметив, что купец собирается вступить в объяснение, трижды повторил свое требование. Тон, видимо, был столь внушителен, что купец немедленно отсчитал требуемую сумму; в одиннадцать часов вечера “Скоропилья” уже несся по направлению к Ла-Плате.

Путешествие сопровождалось неприятными приключениями, которые, однако, обошлись в конце концов благополучно. Однажды, когда на судне чувствовался сильный недостаток в провизии, Гарибальди заметил на материке дом, похожий на ферму. Он приказал идти к берегу и стать на якорь. Но, на беду, на голете не было шлюпки. Недолго думая, Гарибальди привязал к четырем ножкам обеденного стола по бочке, посредине вбил

кол, за который можно было бы держаться и, вооружившись багром, отправился с одним из матросов искать счастья в виде провизии на предполагаемой ферме. “Качаясь и танцуя, как какие-нибудь фигляры, – пишет он, – мы начали пробираться на берег, ежеминутно рискуя опрокинуться в воду”. Благополучно достигнув материка, радушно принятый на ферме, где нашел среди дикой, пустынной местности хозяйку, цитировавшую наизусть Данте и Петрарку, Гарибальди провел ночь на берегу. С наступлением утра пассажиры оригинального судна пустились в обратный путь, привязав к колу целого быка, разрезанного на части, запасшись, следовательно, достаточным количеством провизии, но лишившись последней опоры на своей плавучей платформе. Опасность усиливалась еще и тем, что предстояло преодолеть линию бурунов, окаймляющих берег в этих местах, и, кроме того, плыть по пояс в воде благодаря взятому грузу. Но не было опасности, которую не презрел бы Гарибальди; и в этом случае, как и в большинстве других, дело окончилось благополучно.

Через несколько дней Гарибальди пришлось выдержать первое сражение с двумя судами, пустившимися за ним в погоню. Заметив в пылу битвы, что рулевой убит, он бросился к рулю, но тут же упал, раненный пулей между виском и ухом. Сражение кончилось без его участия и завершилось бегством неприятеля. “Скоропилья” поплыл дальше. В течение 19 дней пришлось обходиться без помощи врача. Рана Гарибальди была мучительна, глотание затруднено; сильная лихорадка изнуряла больного. В эти трудные минуты, находясь между жизнью и смертью, Гарибальди был окружен нежной заботливостью друга своего, Людовика Корнилия, который довез его до Галегая. Здесь, благодаря рекомендательным письмам, данным ему одним знакомым капитаном, Корнилий сдал своего больного домашнему врачу губернатора провинции Рио. Пуля была вынута очень удачно, Гарибальди стал поправляться, но когда выздоровел, узнал, что числится арестантом. Участь его зависела от Росаса, диктатора Буэнос-Айреса, который пока еще ничего не решил.

Гарибальди было позволено делать прогулки; ему выдавался ежедневно один экю на содержание взамен конфискованного у него голета; с ним обходились вообще очень милостиво. Хотя прогулки его были ограничены определенным районом, за пределы которого он не имел права переступать, однако надзор за ним был слаб; правительство, видимо, тяготилось дорогостоящим арестантом и давало ему возможность бежать. Но и без всяких намеков он сам давно решил бежать. Благодаря содействию добрых людей, которых Гарибальди имел особенное

счастье всегда встречать в затруднительных случаях, бегство удалось. Он был уже далеко от города, когда, остановившись для отдыха, внезапно увидел вокруг себя отряд вооруженных всадников. Со связанными за спиною руками, с ногами, привязанными к подпруге лошади, Гарибальди был привезен обратно в Галегай. За отсутствием в городе губернатора, Паскаля Этага, хорошо расположенного к Гарибальди, должность его исправлял некто Леонардо Милан. К нему-то и привели связанного беглеца. Милан потребовал имен участников побега. Гарибальди упорно отрицал участие в нем кого бы то ни было. Тогда, шепнув провожатым несколько слов, Милан велел отвести арестанта в тюрьму. “Никто не упрекнет меня в том, что я слишком нежил себя, – говорит Гарибальди в своих мемуарах, – и что же – признаюсь, дрожь пробегает по моему телу всякий раз, когда я вспомню об этом обстоятельстве моей жизни”. По прибытии в тюремную камеру стражи, не развязывая рук узника за спиной, привязали у самых кистей конец длинной веревки, перебросили через бревно другой ее конец и, потянув веревку к себе, подняли его от земли на четыре или пять футов. “После этого, – говорит Гарибальди, – дон Леонардо Милан вошел в мою тюрьму и спросил, хочу ли я сделать показание. Я мог только плюнуть ему в лицо и не отказал себе в этом удовольствии”. Милан приказал продержать узника в таком положении, пока последний не признается. Тело несчастного горело, как раскаленные уголья; ежеминутно он просил пить; стража не отказывала ему в воде, но жажда была неутолима. Наконец после двух часов нестерпимых мук стражи сжалились и спустили Гарибальди на землю, считая его умершим. Представляя из себя неподвижную массу, похожую скорее на труп, нежели на живого человека, Гарибальди был закован в кандалы и отправлен за пятьдесят миль в другую тюрьму. Все это расстояние прошел он пешком по болотистым местам со скованными ногами и руками, при этом москиты искусали все его тело.

По прибытии в тюрьму он был посажен вместе с убийцей. Одна добрая женщина, госпожа Аллеман, взяла на свое попечение умирающего Гарибальди и снабжала его в тюрьме всем необходимым. Как только вернулись к нему силы, он был отправлен в другую тюрьму и затем губернатором отпущен на свободу. Впоследствии тот же Леонардо Милан был взят в плен отрядом Гарибальди; последний не захотел видеть его, желая избежать соблазна совершить поступок, который считал бы недостойным себя. Очутившись на свободе, Гарибальди отправился в дальнейший путь вверх по реке. Заехав по дороге в Монтевидео, он встретился там со многими друзьями и среди них

с Купео, тем самым мадзинистом, который несколько лет тому назад так пленил его своею речью в маленьком трактире в Таганроге. У одного из этих друзей он в течение месяца скрывался от преследования властей, а затем отправился с Россети в Пиратинен, тогдашнее местопребывание республиканского правительства Рио-Гранде.

Столица провинции – Порту-Алегри – находилась во власти императора. За отсутствием президента Бенту Гонсалвиша, находившегося тогда в походе, Гарибальди был представлен министру финансов, который разрешил ему примкнуть к действующей армии.

С этих пор Гарибальди становится героем длинного ряда легендарных подвигов, слава о которых переносится за пределы океана и достигает его родины. Перечисление всех этих подвигов требовало бы целой книги; мы ограничимся в своем рассказе лишь самыми выдающимися и характерными.

Вскоре после прибытия Гарибальди в армию Бенту Гонсалвиша ему было поручено вооружение двух ланцион, строившихся на речке Комакуа, предназначенных для разъездов по озеру Лос-Патос. Эти небольшие, легкие на ходу, неглубоко сидящие шлюпы, крейсируя по озеру, сильно беспокоили большие имперские суда. Встречая на каждом шагу препятствия в виде многочисленных мелей и рифов, последние часто лишались возможности преследовать врага.

По реке Комакуа, где строились шлюпы, простирались обширные земли, принадлежащие братьям Бенту Гонсалвиша и его родственникам. В этих богатых имениях Гарибальди и его товарищи встречали радушный прием. Однажды, высадившись у фермы, принадлежавшей сестре президента, и вытащив на берег суда, весь экипаж расположился у сарая. Окончив завтрак, команда разбрелась на работы в разные стороны. У сарая оставался один Гарибальди с поваром. Все шестьдесят ружей по числу людей в экипаже были оставлены в сарае. Никто не подозревал, что в пяти-шести шагах от сарая, в лесу, скрылся со ста пятьюдесятью австрийцами полковник Абреку, прозванный за хитрость *кунцией.* Вдруг, к великому своему удивлению, Гарибальди слышит за собой выстрел и, оглянувшись, видит несущуюся к ним галопом кавалерию. Одним прыжком Гарибальди очутился в сарае; за ним последовал повар. Но неприятель был так близко, что в то мгновение, когда Гарибальди переступил через порог сарая, плащ его был проткнут ударом пики. Он схватил одно из ружей, стоявших в козлах, выстрелил в неприятеля, затем схватил другое, третье и т.д. Ни один выстрел не пропадал даром. Между тем повар заряжал и подавал ружья.

Если бы неприятелю пришло в голову ворваться в сарай, дело кончилось бы сразу; но полковник воображал, что здесь заперся весь экипаж, и вследствие этого предположения отступил несколько, продолжая стрелять. Тут скрытые облаком дыма сбежались один за другим многие товарищи Гарибальди. Пять часов продолжалась осада, сопровождаемая непрерывной пальбою. Австрийцы брали сарай приступом; они влезали на крышу, стараясь таким образом пробраться внутрь, но тут же пораженные пулями осажденных проваливались в ими же самими проделанные отверстия. Наконец, получив опасную рану в руку, полковник отступил. Гарибальди имел право торжествовать: он перехитрил "куницу".

Вскоре была назначена экспедиция в провинцию Санта-Катарина. Приглашенный принять участие Гарибальди поступил под начальство генерала Канаваро. Двум новым, только что построенным шлюпам предстояло выйти в море. Но, по несчастью, выходом из озера владел неприятель. Чтобы обойти это препятствие, Гарибальди, для которого не существовало слова *невозможно,* придумал комбинацию, удивительную по своей смелости.

План его был в точности выполнен, и оба судна вышли в океан, всегда бурный и неприветливый в этих краях по причине бурунов, свирепствующих вдоль берега.

На судне "Рио-Пардо", которым командовал Гарибальди, было 30 человек экипажа; судно пришлось сильно нагрузить. Между тем, уже с вечера, когда выходили в море, со страшной силою дул южный ветер, сгущая массу облаков. Чрезмерно нагруженное судно часто совершенно покрывалось волнами. К трем часам следующего дня ветер достиг наибольшей силы. Внезапно набежавшая волна опрокинула корабль набок. Гарибальди, сброшенный с высоты фок-мачты, забыл о собственной безопасности и, как искусный пловец, стал собирать разные плавучие предметы, подавая их товарищам. Тут он заметил, что на Людовике Корнилии была толстая суконная куртка, в которой он не мог плыть. Гарибальди поспешно достал свой нож и разрезал ее на спине; оставалось только стащить ее с товарища. В эту минуту налетевшая волна навсегда разлучила их, и Корнилий, ближайший друг Гарибальди, больше не появлялся. Другой друг его, Эдуард Мутру, пошел ко дну в ту самую минуту, когда Гарибальди протягивал ему руку, чтобы спасти его. Обезумев от горя, поплыл Гарибальди к берегу. "Мир казался мне пустыней, – пишет он, – я сел на морском берегу, опустил голову и плакал". Из тридцати человек утонуло шестнадцать, и среди них все итальянцы. Жалобный стон заставил несчастного

очнуться: оставшиеся в живых напоминали о себе. Они окоченели от холода, многие из них лежали похожие на трупы. Забыв на время свое горе, Гарибальди занялся их оживлением. С огромными усилиями подняв на ноги наиболее слабых, он всех заставил бегать в течение целого часа. Эта гимнастика возвратила им гибкость членов, и они могли отправиться на соседнюю ферму, где жители оказали им гостеприимство. Крушение произошло у берега провинции Санта-Катарина. Вскоре Гарибальди присоединился к авангарду республиканской армии и получил командование голетом для плавания по озеру Санта-Катарина.

Гибель друзей тяжело сказывалась на настроении Гарибальди; ему казалось, что он остался один в мире. Гнетущее чувство одиночества овладело всем его существом и дало новое направление его мыслям. До сих пор вопросы личной жизни не существовали для него; если у него было дело, отвечавшее его запросам, он был доволен и не искал другого счастья. Но раз мысль его приняла известное течение, она должна была привести его к естественному заключению. Гарибальди решил, что выходом из тяжелого его состояния может послужить только женитьба. До тех пор он не допускал мысли о женитьбе; ему казалось, что для человека с его задачами семейная жизнь неосуществима, и он был по-своему прав. Но умозаключения людей счастливых часто имеют мало общего с логикой обездоленных; Гарибальди, вышедший из озера Трамандаи, и Гарибальди, потерпевший крушение, были разные люди и должны были мыслить по-разному. С этой мыслью о женитьбе, которая теперь не оставляла его, он обращал свои взоры на берег. Небольшая гора, на которой находилась ферма, была в соседстве, и он с палубы своего судна видел красивых молодых девушек, занимавшихся различными домашними работами. Особенно привлекала его внимание одна из них – смуглая, как креолка, с правильным строгим лицом, с огненными глазами и чудными, черными как смоль волосами. Получив приказание сойти на берег, Гарибальди немедленно отправился в дом, так долго приковывавший его взоры. С бьющимся от волнения сердцем, но с твердым намерением достигнуть своей цели, он пошел к дому. Какой-то человек пригласил его войти. “Впрочем, – говорит Гарибальди, – я бы вошел, если бы даже он меня и не пригласил”. В доме он увидел молодую девушку, подошел к ней и сказал: “Дева, ты будешь моею женой”. В тот же вечер Анита оставила родительский дом и навсегда связала судьбу свою с судьбою Гарибальди. После нескольких лет свободной любви они были обвенчаны.

Вскоре после женитьбы Гарибальди по приказанию генерала

Канаваро был отправлен в море с тремя вооруженными судами для нападения на имперские суда, крейсировавшие около берегов. Здесь им было взято несколько неприятельских кораблей и пришлось выдержать не одно морское сражение. Анита все время неотлучно находилась при муже, несмотря на его просьбы не сопровождать его. Особенной опасности подвергалась она в одном сражении, когда пришлось выдержать нападение трех неприятельских кораблей. Сражение происходило на таком близком расстоянии, что можно было действовать карабинами. На голете Гарибальди вся палуба была усеяна трупами. Но хотя бок судна и был избит ядрами, а снасти сильно повреждены, однако экипаж решил, что лучше умереть всем, нежели сдаться. С карабином в руках Анита принимала участие в битве и видом своим ободряла сражающихся. Вдруг произошло нечто ужасное: пушечное ядро повалило ее вместе с несколькими из людей, сражавшихся возле. Двое из них были убиты, но Анита была невредима. Она немедленно вскочила, готовая сражаться снова. Просьбы напугавшегося Гарибальди спуститься в люк не могли убедить ее. – “Я сойду, – сказала она, – но только для того, чтобы выгнать оттуда трусов, которые там прячутся”. Она сошла и вскоре возвратилась, толкая перед собой двух или трех матросов, пристыженных тем, что оказались трусливее женщины.

Возвратившись на озеро, Гарибальди застал там печальные события. Жители возмутились против республиканцев и готовы были примкнуть к имперцам; между тем со всех сторон в громадном количестве надвигался неприятель. По усмирении мятежа решено было начать отступление. Нужно было перевезти всю дивизию на противоположный берег озера. Пока все были заняты перевозкою багажа, за которым должны были следовать войска, на озере появилась неприятельская флотилия. Сражение закипело с невероятной яростью. Скоро из шести офицеров остался в живых один Гарибальди. Когда были сбиты все орудия, сражение продолжалось на карабинах. Все это время Анита стояла на самом опасном месте, стыдясь наклониться, как делает самый храбрый солдат в то время, как к неприятельскому орудию прикладывают фитиль. Когда же оказалось, что против неприятеля держаться невозможно, а подкрепления ждать неоткуда, Гарибальди решил зажечь свои корабли, предварительно переправив на берег орудия и боевые снаряды. В то время, как он осматривал убитых и раненых, оставляя на каждом судне огонь в том месте, где оно легче всего могло загореться, – все это под огнем, неприятеля – Анита, за недостатком офицера, распоряжалась перевозкою снарядов, причем отвозя оружие на берег и возвращаясь опять на судно,

совершила около двадцати поездок, постоянно под неприятельским огнем. Она находилась на небольшой лодке с двумя гребцами. В то время, как они нагибались сколько могли, чтобы избежать пуль и ядер, храбрая женщина стояла на корме среди летающей смертоносной картечи, держалась прямо, спокойно и гордо, как статуя Паллады.

Отступление продолжалось. Время от времени происходили более или менее серьезные стычки с неприятелем. В этих стычках Анита попеременно то являлась на лошади среди адской пальбы, то служила “Провидением” для раненых, которых перевязывала за неимением в отряде хирурга. Тяжело было это отступление: дороги не было, нужно было прокладывать ее через непроходимые заросли высоких тростников, питаться приходилось одними лишь кореньями растений. Многие в отчаянии бежали из отряда. Только по прошествии пяти дней была найдена так называемая pecada, то есть тропинка шириною для одного, редко для двух человек, и удалось добыть для продовольствия двух быков. Теперь было легче пробираться к Лажам. Все это время Аниты не было в отряде. Во время последнего сражения, не довольствуясь ролью свидетельницы, она беспрерывно хлопотала о подвозе пороха и патронов, в которых мог оказаться недостаток. Когда она стала приближаться с пороховыми ящиками к главному пункту сражения, ее окружили человек двадцать неприятельских кавалеристов.

Тогда, пришпорив лошадь, она прорвалась сквозь толпу неприятелей. Пуля, пробив ее шляпу, вырвала часть волос, нисколько однако не задев черепа. Анита могла бы спастись, если бы другая пуля не убила под нею лошади. Принужденная сдаться, она была представлена полковнику. В присутствии всего неприятельского штаба, изумленного ее мужеством, героиня с презрением и гордостью возразила на некоторые слова, которые показались ей выражением презрительной ненависти к республиканцам, и также упорно отбивалась словами, как и оружием. Думая, что Гарибальди убит, Анита согласно своей просьбе получила позволение идти на поле битвы отыскать труп мужа среди множества других. Долго ходила она одна по окровавленному полю, поворачивая и раздвигая ногами трупы тех, кто лежал лицом к земле и в ком по платью или по виду находила некоторое сходство с Гарибальди. Не найдя дорогое тело, она решила бежать. В то время, как неприятель веселой попойкой праздновал свою победу в селе, соседнем с полем битвы, она пробралась в дом, смежный с тем, где содержалась пленницей. Здесь одна добрая женщина, принявшая в ней участие, снабдила ее лошадью, и Анита исчезла в лесу, где

скрылся отряд ее мужа. Здесь, кроме всевозможных лишений, о которых было сказано выше, Аните угрожала на каждом шагу встреча с окрестными жителями. Враждебно настроенные против республиканцев, они нападали на последних вооруженной толпою в наиболее непроходимых местах. Но вид этой женщины, стрелою несущейся на своем коне через лес и скалы в бурную ночь при ярком свете молнии, при оглушительных раскатах грома, наводил на всех суеверный трепет. Четыре кавалериста, поставленные у переправы через речку Кову, бросились бежать при виде этого привидения, показавшегося из-за кустов на противоположном берегу. Горный поток благодаря сильным дождям и ветру обратился в большую реку. Но ничто не могло устрашить Аниту; она бросилась вплавь и, держась за гриву лошади, ободряя ее своим голосом, благополучно перебралась на другую сторону. Только в Лажах присоединилась она к мужу. Можно себе представить, каково было свидание.

После неудачной осады небольшой крепости Гарибальди поселился на ферме Сен-Симон, оставленной владельцами. Здесь, именно в хижине бедной индейской семьи, родился Менотти, первый ребенок Гарибальди. Рождение его было чудом после всех опасностей и лишений, которым подвергалась его мать. Менотти родился с рубцом на голове вследствие падения Аниты с лошади во время беременности. Так как для ребенка и больной нужны были многие предметы, которых нельзя было достать в Сен-Симоне, то Гарибальди отправился за ними в соседний городок. Вернувшись через несколько дней, он не нашел ни Аниты, ни ребенка, ни индейской семьи, приютившей их. Оказалось, что в его отсутствие неприятель сделал нападение на стоявший вблизи республиканский отряд. Анита на двенадцатый день после родов в страшную бурю, полунагая, слабая, беспомощная села на лошадь, взяв с собою ребенка, и скрылась в лесу. Там и нашел их Гарибальди.

Между тем, положение республиканской армии становилось хуже со дня на день. Пехота была истреблена; недостаток во всем необходимом вызвал повальное дезертирство; в народе прежний энтузиазм заменился утомлением. Имперцы, видя состояние неприятеля, предложили условия перемирия, но условия эти были отвергнуты республиканцами. Тем не менее, ввиду общей усталости, решено было отступить. В самом начале отступления Гарибальди потерял своего друга Россети, который, попав в плен к неприятелю, лишил себя жизни.

Отступление, начатое в зимнее время, было ужасно. Приходилось пробираться через гористую местность под непрерывными дождями. Женщины и дети, следовавшие за

отрядом, страдали неимоверно. Анита трепетала за своего Менотти. В местах, наиболее опасных, и при переходах через реки Гарибальди закутывал трехмесячного мальчика в платок и привязывал его к шее, стараясь дыханием согреть его маленькое тельце. Оставалось только две лошади – остальные пали. Девять дней продолжалось это ужасное странствование, после которого отряд пришел, наконец, в город Сан-Габриэль, где была назначена главная квартира. В это время Гарибальди задумал оставить отряд. Шесть лет прослужил он в республике Рио-Гранде и к концу почувствовал усталость. Постоянный страх за семью, так много терпевшую в походах, желание находиться в такой местности, где до него могли бы доходить вести об Италии и его родных, побудили его поселиться в Монтевидео. Он просил у президента отпуска и вместе с тем позволения завести небольшое стадо быков; продавая их поодиночке, он думал покрывать издержки во время дороги. С разрешения министра финансов Гарибальди в течение двадцати дней собрал около 900 голов рогатого скота и, таким образом, сделался *труппвером* (быковожатым). Но трудности, встречаемые в дороге, и незнакомство с новым ремеслом заставили его отказаться от этого предприятия. Он убил всех быков, снял с них шкуры и, продав их, получил сумму, вполне достаточную для покупки всего необходимого для семьи. Прибыв в Монтевидео, Гарибальди остановился у одного из своих друзей, которых у него было здесь много и которые особенно тепло отнеслись к нему. Не желая, однако, быть им в тягость, он занялся торговлей, разносил всякого рода товары и торговал всем, начиная от итальянского теста и кончая руанскими тканями. Затем, оставив торговлю, Гарибальди сделался учителем математики.

В это время рио-грандский конфликт завершился победою имперцев, и для Гарибальди не оставалось никакого дела в Рио-Гранде. Республика Монтевидео, или Уругвайская, зная, что он свободен, предложила ему командование корветом “Конституция” и вместе с тем участие в войне, которую она вела с диктатором Буэнос-Айреса.

В 1816 году земли, лежащие по реке Ла-Плата, провозгласили свою полную независимость от испанской короны, владевшей ими в течение трех столетий, и образовали соединенные штаты Рио-де-Ла-Плата. Но независимость не дала спокойствия штатам, в течение многих лет они продолжали быть жертвою борьбы различных партий. В 1828 году выдвинулись партии унитариев и федералистов. Первые требовали твердого центрального правительства, ответственного перед народом, и общего главу всех провинций. Федералисты провозглашали независимость

отдельных штатов и хотели общего главу только для внешних дел и для обороны страны. Предводителем последних был Росас. Победив своих противников, он стал неограниченным диктатором Буэнос-Айреса, а затем и всей Аргентинской республики. Преследуемые его нечеловеческими жестокостями члены как той, так и другой партии стали искать убежища в республике Монтевидео. Последняя, оказывая им гостеприимство, навлекла на себя ненависть Росаса. Всегда верный себе Гарибальди примкнул к слабейшим.

Оставив малоинтересные для него занятия, он не замедлил поступить на службу в республику Монтевидео.

Видя бедствия страны, Гарибальди обратился к своим соотечественникам, которых в Монтевидео было много, убеждая их составить легион и сражаться за тех, которые оказали им гостеприимство. Кроме итальянского, образовались легионы французский и испанский; но последний вскоре перешел на сторону неприятеля.

Итальянский легион не получал жалованья от республики; ему платили натурою, выдавая хлеб, соль, масло, водку и так далее. Тем же пайком, выдаваемым солдатам, довольствовался и начальник легиона – Гарибальди, никогда не бравший денег от республики.

Мы не станем описывать всех сражений, в которых отличился итальянский легион. Высоко ценя его заслуги, правительство Монтевидео наградило его отдельным знаменем.

Подвиги итальянского легиона покрыли его громкою славою. 30 января 1845 года генерал Ривера, восхищенный храбростью и стойкостью легионеров, написал Гарибальди письмо, в котором в самых лестных выражениях высказывал свое удивление и глубокое уважение к заслугам его товарищей и предлагал ему в подарок “за важные услуги, оказанные республике”, земли, на которые посылал дарственную запись. Впоследствии оказалось, что земли эти были не что иное, как родовое имение самого Риверы. На это письмо Гарибальди ответил от имени всего легиона, что они “брались за оружие и предлагали свои услуги республике не из корыстных целей, но исключительно с тем, чтобы иметь честь разделить опасности с жителями области, которая оказала им такое радушное гостеприимство”. Письмо заключалось уверением, что легионеры и на будущее время готовы служить республике без всякого вознаграждения. При письме возвращалась дарственная запись на земли.

Наконец 8 февраля 1846 года произошло знаменитое сражение при Сальто-Сант-Антонио, в котором итальянский легион, снова показавший чудеса храбрости, одержал

решительную победу над неприятелем, несмотря на его численность. Это было последнее большое дело легиона в республике Монтевидео. Военный министр, получив донесение об этом сражении, издал приказ по войскам, которым “для выражения легионерам высокого уважения армии” назначался парад гарнизону. Затем все корпуса вместе должны были продефилировать церемониальным маршем мимо легиона и приветствовать его криком: “Да здравствует отечество! Да здравствует генерал Гарибальди и его храбрые товарищи!” Декретом постановлялось: 1) на знамени итальянского легиона должно быть написано золотыми буквами: “За сражение 8 февраля 1846 года итальянского легиона под командою Гарибальди”; 2) итальянский легион будет занимать первое место во всех парадах; 3) имена убитых в этом сражении будут вырезаны на доске в зале правительственной комиссии; 4) все легионеры будут носить на левой руке в знак отличия щит, посреди которого вокруг изображения короны будет следующая надпись: “Invincibili combatterono 8 febraio 1846”[1].

Адмирал Лене, командовавший флотилией на Ла-Плате, был так удивлен подвигами республиканцев, что написал Гарибальди письмо, в котором выражал ему свое восхищение тем пониманием дела и той смелостью, которыми отличались его распоряжения, содействовавшие совершению таких военных подвигов, какими “возгордились бы даже солдаты великой армии, считающейся первою в Европе”. Он восхищался также той простотою и скромностью, которыми отличалось донесение Гарибальди, говоря, что, по его мнению, слава за все подвиги должна быть, в сущности, отнесена на долю одного вождя легионеров.

Лене не удовольствовался отсылкою этого письма, он пожелал лично повидать Гарибальди. Приехав с этой целью в Монтевидео, он отправился прямо к нему. Квартира, в которой жил герой стольких побед, ничем не отличалась от помещения самого бедного легионера. День и ночь она была открыта для всех, но в особенности, по выражению самого хозяина, для дождя и ветра.

Пришедши поздно вечером, Лене толкнул дверь, вошел в комнату и, так как в ней было совершенно темно, споткнулся тут же о стул. “Однако, – сказал он, – неужели нужно непременно сломать себе шею, чтобы увидеть Гарибальди!” Хозяин позвал жену, и из разговора, которым обменялись супруги, Лене узнал, что в доме не было и двух грошей для покупки свечи. Войдя, адмирал должен был назвать свое имя, чтобы Гарибальди знал, с кем говорит; до того было темно в комнате. “Вы меня извините, адмирал, – сказал хозяин, – я должен вам объяснить, что, когда я

заключал договор с республикой Монтевидео, то забыл включить свечи в число прочих следующих мне по уговору припасов. Анита сказала, если вы слышали, что у нас в доме нет и двух грошей... поэтому мы и сидим в потемках. По счастью, я догадываюсь, что вы, адмирал, пришли ко мне не для того, чтобы смотреть на меня, но чтобы поговорить со мною". Адмирал действительно разговаривал с Гарибальди, но не видел его лица.

Расставшись с вождем легионеров, Лене отправился к военному министру и рассказал ему о своем визите у Гарибальди. Министр отдал приказ, о котором говорилось выше, и тут же в присутствии адмирала взял из своего бюро сто патагонов, которые послал Гарибальди. Последний, не желая оскорблять министра, бывшего с ним в дружеских отношениях, принял подарок, но на следующий день рано утром отправился раздать эти деньги вдовам и сиротам солдат, убитых в сражении при Сальто-Сант-Антонио. Для себя Гарибальди купил только фунт свечей, которые отдал Аните с просьбою приберечь их на случай, если адмирал посетит их еще раз.

Мы говорили уже, что итальянский легион не брал денег от республики Монтевидео, но жалованье свое получал натурою, причем вся плата ограничивалась выдачею пищевых продуктов. Все остальные свои потребности, не исключая и обмундировки, легионеры удовлетворяли, отыскивая себе заработок на стороне. Большинство из них в свободное от военных действий время занимались в конторах своих соотечественников-негоциантов, охотно принимавших их услуги. Гарибальди, подобно всем своим товарищам, не брал денег и довольствовался тем же солдатским пайком. Жил он более чем скромно; пища его состояла из хлеба и сыра, и иногда супа, который варила ему Анита. Насколько он был беден, видно уже из только что приведенного рассказа о визите адмирала Лене, но еще более яркою характеристикой домашней обстановки героя может служить следующий любопытный эпизод. Как-то раз, вернувшись домой, Гарибальди застал Аниту в большом горе, "у нас пропал кошелек с деньгами", – пожаловалась она. Но Гарибальди утешил жену: это он сам захватил с собой все деньги, бывшие в доме, чтобы купить игрушку для своей плакавшей девочки, но, встретив человека, шедшего к нему по делу, забыл о своем намерении. Действительно, в руке своей он сжимал три копейки. Это и была та сумма, о которой так тужила Анита.

Но при всей своей бедности Гарибальди имел способность всегда находить людей еще беднее себя. Однажды он встретил легионера, у которого не было даже рубашки. Гарибальди отозвал его в угол, снял свою рубашку и отдал ему. Вернувшись домой, он

спросил себе другую у Аниты. Но Анита печально сказала ему:

“Ты знаешь, что у тебя одна только рубашка; ты ее отдал... Тем хуже для тебя”. Таким образом, Гарибальди пришлось обходиться без рубашки до тех пор, пока один из его приятелей не подарил ему дюжину новых.

Несмотря на такую бедность, граничившую с нищетой, Гарибальди поражал своим необыкновенным бескорыстием. Так, например, захватив однажды в плен неприятельское судно, он разделил добычу поровну между своими людьми, свою же часть отдал беднейшим. На судне оказалась значительная сумма денег; Гарибальди не взял из нее ничего и целиком отослал ее в монтевидеоское казначейство.

Глава III. События 1848 года

Положение дел в Италии. – Изгнание австрийцев становится излюбленной мечтой всей нации. – Три главных течения в общественной мысли Италии. – Папа Пий IX и надежды, сопровождавшие его вступление на престол. – Письмо к папе Гарибальди и Анзани. – Отъезд в Европу. – Поездка в Ревербеллу. – Возвращение в Италию. События в Риме. – Гарибальди предлагает услуги Римской республике. – Защита Рима. – Падение Римской республики. – Переход через Апеннины. – Смерть Аниты

Сражаясь на чужбине, отстаивая чужую свободу, Гарибальди никогда не терял из виду своего отечества и своего народа. В самые страшные минуты, в жестоких схватках с противником, когда товарищи его, казалось, готовы были дрогнуть, одним напоминанием: “Дело идет о чести итальянского имени” – он вызывал их на новые чудеса храбрости. В то же время в Италии, на родине, шла непрерывная работа, происходили события, далеко подвинувшие ее на пути к освобождению. Помимо развития и укрепления в обществе идеи независимости, переживавшей теперь новые фазы, даже внешние условия жизни страны способствовали ускорению ее освобождения. Можно сказать безошибочно, хотя на первый взгляд это и звучит парадоксально, что сам характер и приемы австрийской политики, всегда верной себе в подавлении всякого свободного движения, служили благоприятным условием для дела итальянских патриотов. В течение тридцати лет Австрия руководствовалась принципом, что, если она владеет известной областью в Италии, то, в силу этого владения, имеет несомненное право вмешиваться в управление всем полуостровом. Но теперь наступило время, когда это стало оспариваться, и кредит венского правительства начал падать. К тому же в последнее время характерные для австрийской политики неискренность и вероломство особенно ярко выступили в обстоятельствах, сопровождавших подавление восстания в Папской области в 1831 и 1832 гг. Созванная по усмирении первого восстания конференция в Риме выработала план реформ, который предполагалось предложить папе. В то время сам Меттерних совместно с представителями других держав заявил о необходимости предполагаемых реформ. Тем не менее, ни одна из реформ не была приведена в исполнение, несмотря на то, что для введения всех их достаточно было одного требования со стороны Австрии. Такой образ действий, в сущности,

традиционный для австрийской политики в делах полуострова, возбудил всеобщее негодование, поддержанное и усиленное влиянием господствовавшего настроения умов. Оружие оказалось обоюдоострым; результат был более печален для притеснителей, нежели для притесненных. Хотя с 1831 года Австрия *материально* более чем когда-либо стала владычицей всего итальянского народа, зато *нравственно* она потеряла всякий престиж, всякое доверие, всякое право на какое бы то ни было уважение. Для всех и каждого стало ясно, что никакие реформы не могут быть введены ни в Папской области, ни в Неаполитанском королевстве, пока Австрия владеет Ломбардией и Венецией. С тех пор изгнание чужеземцев составило злободневную задачу не только тех, кто мечтал о создании для итальянцев независимой, самостоятельной национальной жизни, но и для тех, чьи запросы были гораздо уже и ограничивались скромным желанием уничтожить злоупотребления и притеснения в какой-либо отдельной области. Таким образом, с течением времени для серьезно мыслящих людей постепенно стало ясно, что первоочередная задача для Италии заключается в возможно скорейшем свержении австрийского ига. На этом убеждении сходились все партии при всем разнообразии дальнейших подробностей в своих программах.

В течении общественной мысли Италии резко обозначились к этому времени три главных направления. Представителем одного из них служил журнал Мадзини “Молодая Италия”. Мы уже говорили о задачах, которые преследовал основатель этого органа, мечтавший о создании *Итальянской республики,* свободной от козней духовенства и суеверий, обязанной только самой себе своею независимостью и упроченной под действием равного для всех закона.

Идеи Мадзини быстро распространялись в обществе. Сотрудниками его журнала были талантливейшие итальянские писатели: Джанноне, Руфини, Гверраци, Сисмонди и другие. Кроме того, по всей стране расходились разные сочинения в духе “Молодой Италии”, а в Неаполе было организовано тайное общество с программой Мадзини. Австрийская полиция зорко следила за революционными изданиями, но оказывалась бессильной удержать их распространение. В донесении венецианской полиции за май 1844 года значилось: “В Падуе распространились сочинение на немецком языке “Молодая Италия” и ему подобные, цена на которые вследствие спроса на них поднялась до невероятности”. Между прочим, и сам Меттерних крайне интересовался “Молодой Италией” и выписывал номера журнала через своего агента в Милане.

Благодаря шуму, производимому итальянской пропагандой в связи с общим духом времени, идея независимости и единства Италии перестала быть достоянием одних итальянцев; прочие государства Европы не смотрели уже на нее как на химеру и признали ее raison d'etre.

Несмотря, однако, на свою популярность, идеи Мадзини служили выражением только одного из трех главных направлений, принятых общественной мыслью Италии. Среди уроженцев Пьемонта образовалась группа людей из военных и политиков с совершенно противоположными идеалами, возлагавших все свои надежды на армию и государя Пьемонта как на единственно надежную опору в борьбе Италии с иноземцами. Представителем этой партии был Карл-Альберт, король Пьемонтский, непримиримый враг Мадзини, жестоко преследовавший агентов его программы. Апостолом этого направления в литературе был Чезаре Бальбо, в своей “Speranza d'Italia” проповедовавший союз против Австрии итальянских королей с королем Пьемонта во главе.

Наконец, третье направление выразилось в сочинениях поэта Джоберти. В своей книге “Il Primato” он изображал новую, славную Италию, возрожденную не философским республиканством или мечом светского государя, а нравственною силою реформированного и реформирующего папства.

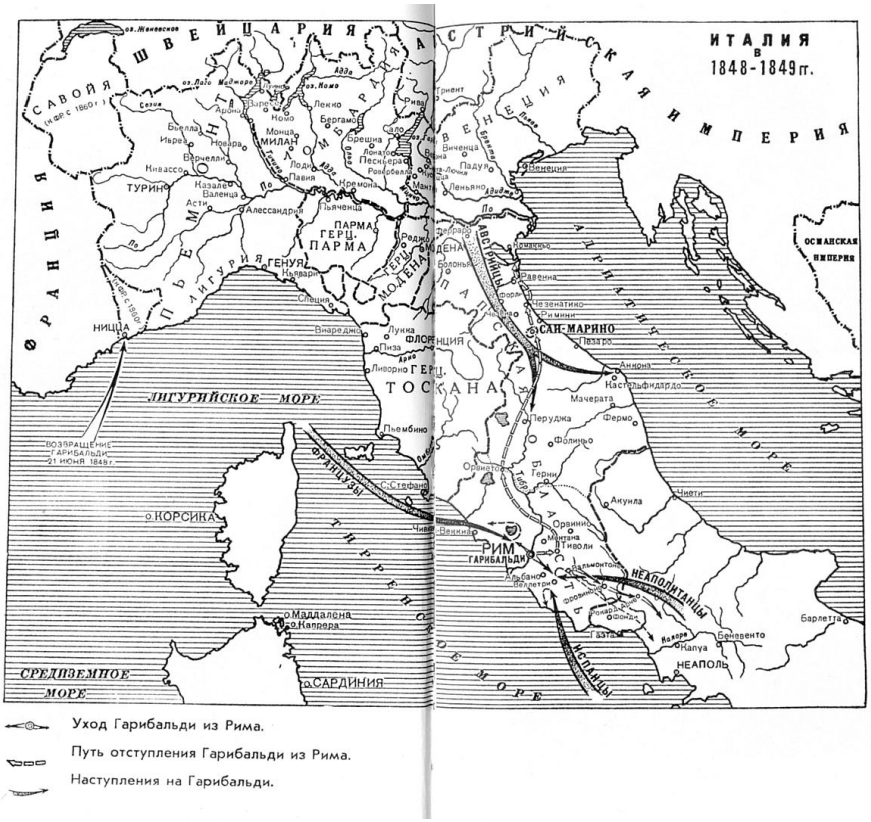
Осуществить идею Джоберти думал вступивший в 1846 году на папский престол Пий IX – праздная фантазия со стороны человека, не обладавшего ни умом, ни выдержкой, ни стойкостью, необходимыми для проведения подобной роли. В 1846 году умер оставивший по себе печальную память своими дурным управлением и жестокостями папа Григорий XVI. Престол его занял Мастаи Феррети, под именем Пия IX. С избранием его, казалось, должна была наступить новая светлая эра в истории Папской области. Первые дни его правления ознаменовались объявлением всеобщей амнистии, двери тюрем были открыты, учрежден был государственный совет, жителям всех провинций разрешено было поступать во вновь учрежденную гражданскую гвардию. Эти реформы и ожидание еще целого ряда других возбудили в народе радужные надежды и окружили личность нового папы небывалым престижем. Всюду встречаемый восторженными криками “evviva Pio Nonno!”, он видел одобрение не только у себя дома, но и со стороны иностранных государственных людей, таких, как Пальмерстон и Гизо. Слухи о новом, либеральном папе разнеслись по всей Европе, вызвали серьезные опасения со стороны Меттерниха и нагнали страх на прочих государей страны. Они достигли Монтевидео и дошли до

Гарибальди.

Давно жаждавший вернуться в Италию и поработать для нее, Гарибальди с другом своим Анзани написал письмо к папскому нунцию, в котором просил последнего засвидетельствовать его святейшеству глубокое почтение и преданность от имени всего легиона и предлагал ему свои услуги в борьбе с австрийцами. Мы приведем из этого письма лишь небольшой отрывок:

“Если нам суждено принять участие в деле искупления, взятом на себя Пием IX, – писали Гарибальди и Анзани, – то мы готовы заплатить за эту честь ценою нашей крови. Если Вы, высокочтимый синьор, находите, что предложение наше может быть угодно его Святейшеству, то благоволите повергнуть оное к подножию его престола. Не тщеславная уверенность в необходимости помощи нашей руководит нами; мы знаем, что престол Святого отца утвержден на основах столь прочных, что никакие человеческие усилия не могут ни поколебать, ни тем паче низвергнуть его. К тому же новый порядок вещей имеет многих защитников, которые сумеют устранить все несправедливые нападки врагов его. Пока же мы воссылаем Богу благодарение за спасение его Святейшества от козней нечестивых и горячо молим Провидение о продлении дней его на благо христианства и Италии”.

Долго не получая ответа ни от папы, ни от нунция его, Гарибальди решил, не ожидая долее, ехать в Европу. Аниту с двумя детьми, Менотти и Терезитой, он отправил вперед в Ниццу к своей матери; самому же ему предстояло добыть необходимую сумму для уплаты фрахта за судно, которое должно было отвезти его с товарищами в Италию. Дело это было нелегкое, и в конце концов пришлось прибегнуть к подписке. Многие богатые негоцианты охотно вносили свои пожертвования. Правительство Монтевидео, узнав о намерении Гарибальди, предложило ему также свою посильную помощь. Но, зная, насколько бедна казна республики, он ничего не захотел принять, кроме двух пушек и восьмисот ружей, которые и были перенесены на корабль. Сборы продолжались довольно долго: письмо к нунцию было отправлено в октябре 1847 года, а выехал Гарибальди из Монтевидео только 27 марта 1848 г. С ним отправились 56 легионеров; многие его товарищи не решились последовать за ним, боясь предстоявших трудов и лишений.



Италия в 1848-1849 гг.

В Паоло, недалеко от Аликанте, Гарибальди случайно сошел на берег и здесь узнал о недавних событиях. В это время вся Европа была охвачена волною политических движений; над Францией разразилась февральская революция, Орлеанский дом был изгнан; в Сицилии вспыхнуло восстание; король неаполитанский был вынужден даровать конституцию; Карл Альберт издал статут, установивший конституционный порядок в Пьемонте; в Ломбардии и Венеции происходили волнения; государи Италии, в том числе и папа, замышляли общий союз против Австрии.

Водрузив трехцветный флаг на своем судне, исполненный радостных надежд Гарибальди поспешил на родину. Над ним все еще тяготел приговор 1833 года, а потому по прибытии в Ниццу товарищи советовали ему не сходить на берег без предварительных рекогносцировок. Но не успел Гарибальди показаться на палубе, как стоявшие на берегу моря узнали его. Мгновенно собралась на набережной толпа и радостными криками приветствовала его возвращение. Оставив в Ницце умирающего Анзани, Гарибальди поспешил в Ревербеллу, где

находился в то время Карл Альберт. Последний примкнул к восставшим ломбардцам и объявил войну Австрии. Гарибальди ехал в Ревербеллу с целью предложить свои услуги королю Пьемонта; он помирился с необходимостью сделать временно некоторые поправки в программе Мадзини: многолетний опыт в Америке научил его терпению. Но в глазах Карла Альберта Гарибальди был мадзинистом и ничем более, и этого было достаточно для отказа. Король посоветовал ему отправиться в Турин и ждать там приказаний от его министра. Военный министр Риччи обошелся с Гарибальди высокомерно и советовал ему отправиться в Венецию, где он мог быть полезен в качестве корсара. Гарибальди не счел нужным отвечать на подобное предложение и немедленно отправился в Милан. Столица Ломбардии только что выдержала с успехом пятидневную борьбу с двадцатитысячным корпусом Радецкого.

Временное правительство Милана дало Гарибальди титул генерала и уполномочило его образовать батальоны ломбардских волонтеров. Кое-как обучив, обмундировав и вооружив своих волонтеров, Гарибальди двинул их в Бергамо. В это время армия Карла Альберта уже терпела свои первые неудачи. В Бергамо к корпусу волонтеров присоединился Мадзини, встреченный общим взрывом радости, и поступил в ряды его в качестве знаменосца. Вскоре, однако, Гарибальди был снова отозван в Милан: австрийцам удалось вторично занять город, и жители его просили защиты. По дороге в Милан Гарибальди узнал о капитуляции города, на которую был вынужден согласиться Карл Альберт. Видя, что в Милане делать более нечего, Гарибальди распространил прокламацию, в которой называл короля Пьемонта “изменником отечества” и объявлял, что, не стесняясь никакими обязательствами, принятыми на себя королем Альбертом, намерен вести партизанскую войну.

Но в Ломбардии делать было нечего: там все было потеряно. Гарибальди отправился в Геную. Здесь явилась к нему депутация от сицилийцев с предложением стать во главе восстания в Сицилии. Сначала он было принял это предложение, но, узнав о событиях в Папской области, решил прийти на помощь Риму. Здесь дела приняли совершенно новый оборот. 23 марта был созван митинг, на котором, согласно требованию нескольких демагогов, решено было призвать народ к оружию. Во главе собравшейся многочисленной толпы народные вожди отправились к папе с просьбою благословить оружие. Папа, уже успевший изменить своим прежним идеалам и потерять популярность, отказался принять их. К тому времени за выходом в отставку министра Мамиани, который вынужден был оставить

портфель благодаря реакционным мероприятиям папы, место его занял Пелегрино-Росси, патриот старого закала, совершенно чуждый новейшим стремлениям. При входе в залу парламента он был убит ударом кинжала. Испуганный папа приписал это дело либералам и, обманув французского посла, предлагавшего ему гостеприимство в своем отечестве, тайно бежал в Гаэту. В Риме светская власть папы была объявлена упраздненною, и учреждена республика, управление которой вверено триумвирату, составленному из Армелини, Саффи и Мадзини, выбранного заочно большинством в 9 тыс. голосов.

Последние события застали Гарибальди в Равенне, где он формировал сильный отряд волонтеров; он отправился в Рим, пока один, для переговоров с временным правительством. Сначала триумвиры не решились допустить Гарибальди в Рим; но скоро произошли события, заставившие их призвать нового генерала на защиту города. 24 апреля 1849 года французская эскадра, состоящая из 14 военных кораблей, прибыла в Чивитавеккью. После некоторых переговоров комендант крепости полковник Меллара и городские власти позволили высадиться войскам, которые, по уверению генерала Удино, были присланы для защиты Папской области от произвола австрийцев. Но первым проявлением дружеских намерений французского генерала было разоружение гарнизона Меллары. В сущности осада Рима была заранее решена в Париже, и генерал Удино явился с отрядом в 8 тыс. человек. 28 апреля он двинулся к Риму. При известии о прибытии французской эскадры в Чивитавеккью римское собрание открыло ежедневные заседания. Дебатировался вопрос, принять ли французов в столицу как друзей, или же силе противопоставить силу. В результате долгих дебатов решено было защищаться до последней крайности. Издан был декрет, сообщавший это решение собрания; на улицах города началось сооружение баррикад и установка орудий на возвышенных местах. В это время Гарибальди по вызову явился в Рим.

Верхом на лошади, живописно задрапированный в белое пончо, в широкой красной рубашке, в большой черной шляпе, украшенной развевающимся страусовым пером, с рассыпавшимися по могучим плечам прекрасными золотистыми кудрями, Гарибальди представлял фигуру, исполненную гордого величия. Мигом всю толпу осенила одна и та же мысль, одна и та же надежда: вот он, тот человек, которому надлежит взять на себя защиту вечного города, вот тот, кто один может отразить врага, как бы силен он ни был. “Гарибальди! Гарибальди!” – слышалось со всех сторон, в то время как в воздух высоко взлетали платки и шляпы; бесчисленные голоса сливались в общий гул, и народ

бушевал в неистовом восторге, встречая легендарного героя, в эту минуту напоминавшего одного из своих великих предков.

Как только прошли первые восторги толпы, Гарибальди принялся за дело. Прежде всего предстояло набрать достаточное количество людей. Гарибальди дали бригаду, представлявшую удивительную смесь людей всевозможных возрастов, профессий, состояний и даже национальностей. Но все эти люди, так резко различавшиеся на первый взгляд, составляли одно тесно сплоченное гармоническое целое, связанное общим патриотическим чувством. Сюда входили два батальона легионеров, одетых в красные блузы с зеленой отделкой, между ними сорок человек, приехавших из Монтевидео, триста волонтеров, вернувшихся из Венеции, четыреста студентов, триста таможенных служителей, триста эмигрантов; всего две тысячи пятьсот человек. Гарибальди поручили защиту самого опасного пункта.

Между тем, французы успели подойти к городу. Выбрав себе проводниками священников, шедших впереди с распятием в руках, Удино двинулся в таком направлении, чтобы избежать огня бастионов, расположенных между воротами св. Панкратия и Тибром. Заметив это движение, Гарибальди атаковал неприятеля в том месте, где последний менее всего предполагал опасность. В течение девяти часов непрерывного боя невозможно было решить, на чьей стороне будет победа. Это, как говорили тогда, была битва монтевидеоских тигров с африканскими львами. Наконец, ударив в штыки, Гарибальди привел осаждающих в полное смятение. Потери французов были громадны. Удино отступил. С удалением неприятеля весь город был иллюминован; всюду слышны были звуки песен и музыки.

Не довольствуясь своей победой, Гарибальди обратился к триумвирату с просьбою дозволить ему отрезать французскому генералу отступление к Чивитавеккье. “Я обещал вам, – говорил Гарибальди, – что разобью французов, и сдержал слово; теперь я обещаю вам, что не дам им времени вернуться к своим кораблям”. Но Мадзини, бывший в то время фактическим диктатором Рима, воспротивился такому плану: “Не следует, – говорил он, – решительным поражением наживать себе врага во Франции”. Это была несчастная мысль; если бы после поражения для Удино оказалось невозможным пробраться в Чивитавеккью, Римская республика могла бы быть спасена, и задача французского генерала вместо взятия Рима свелась бы к обратному завоеванию Чивитавеккьи. Когда Удино прислал просить перемирия, Мадзини дал свое согласие и, таким образом, свел на ноль блестящее дело 30 апреля. Между тем, французское

правительство прислало Лессепса, будущего строителя Суэцкого канала, уладить мирными переговорами отношения с республикой. В то время, пока велись переговоры, территория республики постепенно была занята вновь прибывшими войсками неаполитанскими, австрийскими и испанскими.

Утром 13 мая на помощь Удино прибыло значительное подкрепление войсками и оружием. В этот же день доблестный защитник Рима получил звание дивизионного генерала. То же звание дано было полковнику Розелли, которому Мадзини вверил главное начальство над войсками. Это распоряжение было результатом недоброжелательного отношения диктатора к Гарибальди, что ни для кого не составляло тайны; но, чуждый мелочного самолюбия, всецело преданный отечеству, герой покорился; он готов был сражаться в качестве простого солдата.

Гарибальди двинулся в Монте-Фортино с целью отрезать армии Фердинанда сообщение с Неаполем. Надеясь получить подкрепление от генерала Розелли, он заставил неприятеля сосредоточить свои силы и вынудил его атаковать. Видя свое численное превосходство, неприятель начал наступление. Но Гарибальди всегда умел вовремя приготовить неожиданный сюрприз противнику, и в этом случае, по своему обыкновению, стойко выдерживал натиск неаполитанцев. В пылу сражения он был выбит из седла и отброшен сажени на полторы от лошади. Была минута, когда его считали умершим, но Гарибальди быстрым прыжком вскочил на лошадь и, размахивая саблей с надетой на шее шляпой, чтобы быть узнанным, продолжал возбуждать храбрость своих товарищей. Вскоре, однако, сказалось численное превосходство неприятеля; пришлось просить подкрепления у Розелли; тот отказал. Не смущаясь этим отказом, Гарибальди пустил в ход свои единственные два орудия и после страшной схватки прогнал неприятеля обратно в Велетри. Фердинанд успел уже бежать из города. Потеряв надежду взять его в плен из-за неприбытия своевременного подкрепления, Гарибальди просил у Розелли разрешения отрезать неприятелю отступление в Неаполь; но и на это предложение последовал отказ. Таким образом, блестящая победа при Велетри не принесла тех серьезных выгод, которые могли быть достигнуты, если бы Мадзини иначе отнесся к своему старому другу.

Когда от триумвирата последовал приказ привести в Рим войска, бывшие в деле при Велетри, Гарибальди протестовал против такого сосредоточения всех боевых сил в городе, открытом для неприятеля на протяжении 24 верст в окружности. Он заявил, что мало надеется на возможность серьезного и продолжительного отпора при таких условиях. Гарибальди

предлагал перенести правительство республики подальше в горы и искать союза с восставшими против Неаполя сицилианцами. Мадзини решительно отверг этот проект Гарибальди. Между тем, Луи-Наполеон, тогда уже президент Французской республики, послал генералу Удино письмо, в котором, выражая свое негодование по поводу приема, оказанного последнему в Риме, приказывал ему для “поддержания военной чести” немедленно возобновить враждебные действия против республики. Однако пресловутая “военная честь” служила ширмой, за которой скрывались клерикальные устремления, а эти последние были маской, прикрывавшей династические и чисто личные виды авантюриста-президента. В основе политики Луи-Бонапарта касательно Папской области лежало опасение, что австрийцы отнимут у него честь реставрации папского престола и лишат его связанных с этой “честью” практических выгод. Руководствуясь полученными инструкциями, Удино двинул свои войска за сутки до окончания перемирия среди глубокой ночи. Обманув стражу, охранявшую ворота “Четыре ветра”, криком “Да здравствует Италия!”, он занял эту позицию, составлявшую ключ ко вступлению в Рим, и овладел городскими предместьями.

Первые пушечные выстрелы разбудили Гарибальди, только что вступившего в город со своим отрядом, измученным в сражении при Велетри. Вскочив на лошадь, он бросился к воротам св. Панкратия, но, узнав, что “Четыре ветра” заняты неприятелем, тут же мысленно решил, что Римская республика погибла. По своей привычке быстро схватывать все подробности положения, Гарибальди немедленно увидел, что прежде всего ему необходимо занять виллу Корсики как пункт наиболее важный. Несколько раз вилла переходила из рук в руки; люди гибли, как мухи; все дорожки парка были покрыты трупами, но ничто не могло удержать бешеного натиска гарибальдийцев. Была минута, когда в большой зале дворца на втором этаже внезапно выросла конная статуя. Это гарибальдиец Массива в мгновение, когда победа, казалось, улыбнулась осаждавшим, пришпорив коня, вскочил на террасу и оттуда стрелою понесся по лестнице в залу. Несколько выстрелов в упор положили конец подвигам героя. “Я много видел страшных сражений, – говорил Гарибальди, – но ни одно из них не может сравниться с бойней на вилле Корсини”. Дело продолжалось 14 часов. Гарибальди оставил виллу последним; его пончо было все пробито пулями, но ни одной раны не оказалось на его теле. На 10 июня Розелли назначил вылазку в надежде оттеснить французов; но вылазка не удалась, и 13 началась бомбардировка. Пули и ядра осыпали город, не щадя ни Ватикана, ни собора св. Петра, ни Сикстинской капеллы,

оставляя следы разрушения на фресках Буонаротти, да Винчи, Рафаэля. Великая нация позабыла свою руководящую роль носительницы культуры и беспощадною рукою губила завещанные веками создания человеческого гения. 20 образовались уже три бреши; в ночь с 20 на 21 было взято два бастиона. На всех колокольнях раздавались удары набата. Все было потеряно. 30-го французы взяли остальные бастионы.

Гарибальди с ружьем в руках, так же, как другие офицеры, затерянный в рядах, послал последний прощальный залп генералу Удино. Народное собрание признало дальнейшее сопротивление невозможным. Пригласили в собрание Гарибальди. Он явился покрытый кровью, закопченный пороховым дымом, и предложил очистить одну половину города и укрепиться в другой.

– Сколько же времени, в таком случае, продлится сопротивление? – спросил кто-то.

– Несколько дней, – отвечал Гарибальди.

После этого ответа решено было сдать город. Римская республика отошла в область истории.

3 июля в четыре часа пополудни французская армия вступила в Рим, неся французское знамя на одном древке с папским. Но в зале народного собрания в Капитолии депутаты продолжали провозглашать республику до той минуты, пока не были вытеснены французскими солдатами. Тогда Гарибальди с 2500 человек пехоты, 400 человек кавалерии и одним горным орудием, сопровождаемый Анитой, вышел из города по направлению к Тиволи. К людям, последовавшим за ним, он обратился с такою речью:

– Вас ожидает зной и жажда днем, холод и голод ночью. Усталость и опасности будут вашей наградой; у вас не будет ни крова, ни отдыха; вам грозит безусловная нищета. Вам предстоят: бодрствования до потери сил, изнурительные переходы и сражения на каждом шагу. Кто любит Италию, следуй за мной!

Гарибальди решил пробраться в Венецию, где не все еще было проиграно. Преследуемый, с одной стороны, австрийцами, с другой – французами, не встречая уже в населении прежнего энтузиазма, он с невероятными трудностями перешел Апеннины, где потерял свой арьергард, уничтоженный в схватке с австрийцами. Совершив этот ужасный переход, Гарибальди пришел в маленькую республику Сан-Марино, которая по счастливой случайности была оставлена австрийцами в покое.

— Мы пришли к вам просить отдыха и хлеба, – сказал он регенту, – солдаты мои сложат свое оружие, и на вашей земле кончится война за независимость Италии. Вам будет

принадлежать честь отстоять неприкосновенность тех, кто следовал за мною, и мою собственную.

Регент обласкал Гарибальди, велел накормить его людей, дал помещение раненым и просил только не подвергать республику бедствиям войны. Так как австрийцы требовали от Гарибальди безусловной сдачи, в противном же случае грозили нападением, то, исполняя обещание, данное им регенту, он решил покинуть Сан-Марино и распустил своих солдат, напомнив им, что они могут согласиться только на временную приостановку военных действий, что кровь их до последней капли принадлежит отечеству, и наступит минута, когда они снова будут призваны к оружию.

– Италия, – говорил он, – не должна оставаться обесславленной; мы клянемся посвятить себя ее независимости до последней капли крови, до последнего биения сердца. Смерть в тысячу раз предпочтительнее ненавистного ига чужеземцев. Да здравствует Италия!

250 человек из отряда не захотели расстаться со своим вождем; он велел им собраться, поместил среди них Аниту, готовившуюся через месяц сделаться матерью, а также своего капеллана Уго Басси и ночью прошел сквозь неприятельский лагерь. На следующий день Гарибальди был уже на берегу Адриатического моря. Здесь он разместил своих волонтеров на тринадцати больших рыбацких лодках и поплыл по направлению к Венеции. Уже можно было различить видневшийся вдали город, когда раздалась пушечная пальба с трех австрийских фрегатов, пустившихся в погоню за беглецами. Часть лодок тотчас рассеялась в разные стороны, другие же, находившиеся вблизи лодки Гарибальди, продолжали плыть в прежнем направлении. Видя, что ему не уйти от погони, Гарибальди причалил к берегу и скрылся в соседнем лесу. Голова его была оценена. Анита изнемогала от усталости и лишений; неимоверные трудности похода отняли у нее последние силы. Два дня шел Гарибальди, скрываясь то здесь, то там, неся на руках умирающую Аниту. Измученная жаждой, чувствуя приближение смерти, она не произнесла ни одной жалобы, не издала ни одного стона; последние слова ее относились к детям; она понимала, что не увидит их более. Окрестные жители, сразу узнавшие героя, который не потрудился даже сбрить бороду, везде по мере сил помогали его бегству. Гарибальди спешил в Равенну, но состояние жены заставило его свернуть с дороги и просить гостеприимства на небольшой ферме среди соснового леса. Бедное семейство, жившее в домике, снабдило их водой и небольшим количеством пищи. Гарибальди послал в соседний

городок за врачом. Когда по совету последнего укладывали больную в постель, Гарибальди заметил по выражению ее лица, что она расстается с жизнью. “Надеясь исхитить ее из челюстей смерти, – говорит он, – я судорожно сжимал ее пульс для того, чтобы считать последние его биения, я дышал ее скорым дыханием, я губами своими ловил прерывающиеся ее вздохи... Увы! я с благоговением лобзал умирающие губы... Увы! я сжимал в своих объятиях труп!.. я плакал слезами отчаяния...” Измученный лихорадкой, изнемогающий от непосильных трудов, голода и бодрствования, Гарибальди сам еле держался на ногах. В то время, как с нежного личика Аниты постепенно сходили следы вынесенной муки и от холодного дуновения смерти медленно ложилось на него величавое выражение неземного покоя, безумные рыдания Гарибальди так же медленно, так же постепенно утихали и утихли совсем. Незаметно для себя несчастный погрузился в глубокий, тяжелый сон...

Но не дремали преследователи беглеца. Они уже заняли страну и ежеминутно грозили овладеть фермой. Гарибальди снова взял на руки едва охладевший труп своей незабвенной Аниты, отнес его далеко в поле и наскоро зарыл в песке под кустом тайно от всех. Наутро австрийцы заняли ферму, но Гарибальди был уже далеко. Когда миновал первый панический страх, овладевший жителями фермы, никто не мог сказать, где находятся останки несчастной женщины. Через несколько времени они были найдены при обстоятельствах, возмутительным образом оскорбляющих память покойной. Однажды живший на ферме работник заметил собаку, что-то искавшую в поле под сосною; подойдя, он увидел торчавшую из песка наполовину съеденную руку Аниты. Животное собиралось вырыть весь труп. Впоследствии тело было перевезено в Ниццу, а оттуда на остров Капреру.

Анита была единственной серьезной привязанностью Гарибальди. Хотя впоследствии у него было бесчисленное множество романов самого разнообразного характера, но он никогда более не мог так искренно и глубоко привязаться к женщине. Все его последующие мимолетные увлечения носили характер легкого ухаживания или почтительной дружбы и не имели ничего общего с тем чувством, которое привязывало его к преданной ему до самозабвения бразильской амазонке.

Тем не менее, несмотря на беспредельную любовь с обеих сторон, отношения супругов не всегда носили характер безмятежного счастья. Анита жестоко ревновала мужа. Идя рука об руку с любимым человеком, стоя рядом с ним в минуты смертельной опасности, гордо перенося лишения и трудности его

походной жизни, Анита требовала для себя одной награды: безраздельной его преданности, исключительного права царить в его сердце. Когда она подозревала, что муж ее увлекается другой женщиной, она являлась к нему с двумя пистолетами, чтобы убить мужа и соперницу. Однажды Гарибальди остриг свои прекрасные золотистые кудри, и, когда его спросили, почему он это сделал, ему пришлось сознаться, что, сделав себя менее привлекательным, он надеялся успокоить ревнивые опасения жены. Много лет спустя, вступив во второй брак, он изменил своему чувству к Аните, но горько пришлось ему искупить эту измену и жестоко поплатиться за необдуманный, легкомысленный шаг.

Глава IV. Война 1859 года

Тюрьма. – Отъезд из Италии. – Танжер. – Отъезд в Америку. – Фабрикант свечей и пожарный. – Путешествие в Китай. – Рейсы в Европу на торговом судне. – Покупка острова Капрера. – "Национальное итальянское общество". – Граф Кавур и его политическая программа. – Вызов Гарибальди в Турин. – Объявление войны. – Альпийские охотники. – Варезе. – Комо. – Письмо Наполеона III и приказ Виктора Эммануила. – Пребывание в Комо. – Гарибальди в описании русского путешественника. – Трепонти. – Обманутые ожидания. – Волнения в Средней Италии. – Приглашение в Тоскану. – Королевская милость. – Поездка по Средней Италии. – Народные овации. – Воспоминания прошлого. – Тосканская армия. – Второй брак. – Тяжкая обида. – Гарибальди в туринском парламенте. – Капрера

По пятам преследуемый врагами Гарибальди бежал в Тоскану и оттуда в Пьемонт. Здесь ожидали его новые разочарования. По распоряжению правительства он был арестован королевскими войсками и препровожден в Геную, где его заключили в тюрьму. Но в парламенте поднялись голоса в защиту заключенного, и вотировано было категорическое порицание действиям правительства. Последнее, вынужденное уступить общественному мнению, отменило распоряжение об аресте, но этим самым создало для себя еще большие затруднения: король и его министр не знали, как поступить теперь с освобожденным вождем волонтеров.

Видя, что, оставаясь в Италии, он вызывает новые осложнения в делах страны, Гарибальди решил на время покинуть родину и этим добровольным изгнанием избавить Пьемонт и его государя от всяких забот об его участи.

Не сразу удалось Гарибальди найти для себя убежище. Прежде всего отправился он в Тунис, но встретил здесь препятствие со стороны французского консула, по настоянию которого ему запрещено было сойти на берег. То же случилось и в Гибралтаре. Не найдя и здесь гостеприимства, Гарибальди отправился в Танжер, где его друг, сардинский консул, дал ему приют на шесть месяцев. По истечении этого срока он отправился в Америку. Здесь Гарибальди поселился в Нью-Йорке, вступил в компанию с одним фабрикантом свечей и сам занялся этим производством. Один моряк-итальянец, посетивший его в Нью-Йорке, застал защитника Рима с засученными рукавами у котла с растопленным салом. Не довольствуясь этим мирным занятием,

Гарибальди зачислился еще и в пожарную команду. С этих пор стал он постоянно носить красную рубашку, служившую форменной одеждой пожарных. Скоро, однако, оставил он и то, и другое дело и получил командование торговым судном, на котором совершил несколько рейсов в Китай. Сведения об этом периоде жизни Гарибальди очень небогаты. В 1855 году Гарибальди уже совершает рейсы в Европу, продолжая заниматься торговлей. В один из таких рейсов поразил его своею дикой красотой пустынный остров Капрера. На деньги, собранные во время путешествий, он купил сначала часть острова, а впоследствии приобрел его весь в исключительную собственность. Здесь, вдали от житейских волнений, герой нашел себе приют и занялся устройством своего маленького хозяйства.

Живя отшельником на своем каменистом острове, Гарибальди неусыпно следил за ходом событий на родине. Спустя год он получил от маркиза Палавичини предложение принять участие в обществе, основанном им вместе с Маниным, венецианским патриотом, главою восстания в Венеции в 1848 году. Программа организации, названной “Национальным итальянским обществом”, заключала в себе следующие главные пункты:

1) выше всякой политической идеи и всяких муниципальных интересов ставить великий принцип независимости и объединения;

2) стоять за Савойский дом в пределах возможного и разумного, пока он будет стоять за Италию;

3) не отдавать предпочтения ни одному пьемонтскому министерству, но поддерживать всякое министерство, защищающее дело Италии, и стоять вне вопросов внутренней администрации Пьемонта;

4) объявить, что независимость и объединение Италии нуждаются столько же в участии народных сил, сколько в содействии пьемонтского правительства.

Программа эта, предполагая согласное участие всех сил страны в общем для всех деле объединения, создавала возможность того единодушия, которое одно может служить прочною гарантией успеха в подобных случаях. Ее не мог не одобрить Гарибальди. Ответное письмо его, в котором он спешил заявить о своем согласии вступить в общество, вызвало взрыв негодования среди мадзинистских органов. В своих ожесточенных нападках они не только шли гораздо дальше своего учителя, но и противоречили его собственным воззрениям. Гарибальди мог напомнить им слова, сказанные Мадзини, когда последний был триумвиром в Риме и ему предлагали союз с королем Пьемонта.

“Мы воссоздадим Италию, хотя бы при помощи самого черта”, – сказал тогда Мадзини и дал согласие на союз. Гарибальди был того мнения, что теперь точно так же, как и тогда, всякие попытки создать республику должны быть пока отнесены к области несбыточных мечтаний. Несмотря на свою способность часто и сильно увлекаться, он никогда не был и не мог быть утопистом уже по свойству своей натуры: великий патриот охотно шел на компромисс, если видел, что он нужен для блага Италии; в вопросах политики он всегда держался честного и разумного оппортунизма.

Одним из главных деятелей “Национального итальянского общества” был туринский премьер граф Кавур. Вступив в 1850 году в министерство Массимо д’Азелио в качестве министра торговли, он после временного удаления от дел уже в 1852 году занял пост первого министра и с тех пор неуклонно преследовал цели постепенного объединения Италии на прочных и верных основах.

Программа его вкратце состояла в следующем: создать сильное итальянское государство из северных областей Италии, а затем одну за другой присоединять остальные части полуострова до полного его объединения. Средства, которыми Кавур думал осуществить эту программу, заключались в организации регулярной армии и сильного флота. Так как то и другое могло быть создано лишь с помощью поднятия общего благосостояния страны и развития в ней промышленности, Кавур прежде всего предпринял ряд мер в этом направлении и вскоре достиг блестящих результатов. Так же быстро, как развитие промышленности, шло усиление армии и флота в Пьемонте.

Готовя, таким образом, родную страну к многотрудной борьбе с чужеземным владычеством, Кавур, однако, слишком хорошо понимал положение Италии, чтобы верить в возможность для нее собственными силами завоевать свою независимость. По его мнению, следовало прежде всего искать союзника, не уступающего в силе австрийцам. С этой целью он послал свои войска под Севастополь сражаться рядом с французами и англичанами. Хотя участие сардинской армии в Крымской кампании не принесло стране непосредственной пользы, тем не менее, косвенные его выгоды были громадны, участие это предотвратило возможность союза двух держав с Австрией в том случае, если бы она решилась выйти из нейтралитета, и создало для Италии такие дружеские связи, которые могли принести ей существенную помощь в ее борьбе с притеснителями. Мало того, оно дало Кавуру возможность занять в качестве союзника место рядом с представителями великих держав на Парижской

конференции 1856 года. По окончании главных занятий конференции Кавур в пламенной речи нарисовал картину бедствий, причиненных его родине австрийским правительством. Речь эта вызвала сочувствие и поддержку со стороны французских и английских уполномоченных и сильно повредила Австрии во мнении европейских держав.

Именно такого результата и добивался Кавур. Зная, между тем, что Англия не окажет ему военной поддержки против австрийцев, он решил ближе сойтись с Наполеоном III, хотя и не сомневался, что помощь последнего не будет бескорыстной. Для Наполеона, желавшего во что бы то ни стало поддержать престиж своей династии, война с Австрией представляла удобный случай громкими победами прославить свое имя. Он вызвал Кавура в Пломбьер и на этом свидании обещал ему свою помощь. Решено было, что Пьемонт спровоцирует Австрию на нападение, а затем уже получит поддержку со стороны Франции. Дальнейший план Наполеона состоял в образовании Итальянской конфедерации под председательством папы. В состав конфедерации должен был войти и Пьемонт с присоединенными к нему Легатствами и Мархией, с присвоением ему наименования Северная Италия. В вознаграждение за содействие Наполеон надеялся получить Савойю, а также, может быть, и Ниццу. В этой надежде тщательно поддерживал его Кавур.

Теперь министру оставалось окончательно приготовить Италию для предстоящих событий. Мало доверяя искренности и стойкости Наполеона, он находил необходимым создать в стране такие силы, которые, однажды придя в движение, уничтожили бы для императора всякую возможность отступления и сделали бы дело объединения Италии делом всего народа. Задавшись такой целью, Кавур усиленно поддерживал “Национальное итальянское общество”, распространившееся по всем городам страны, и вступил в сношение с некоторыми республиканскими вождями, несмотря на свою ненависть к их доктринам, которые считал причиною, поселяющей анархию в стране. С той же целью сближения Кавур обратился к Гарибальди, прося его приехать в Турин для переговоров, убеждая Гарибальди принять деятельное участие в предстоящей войне, Кавур скрыл от него, какой ценою должна была достаться Северной Италии ее независимость; он не решился сказать Гарибальди, что его родной город Ницца будет отдан императору как заранее условленное вознаграждение за услугу. С другой стороны, от Наполеона, ненавидевшего Гарибальди как революционного героя и защитника Римской республики, было скрыто предполагаемое участие последнего в военных действиях.

В январе 1859 года часть договора в Пломбьере была оформлена в трактат, по которому Наполеон обязывался в случае нападения со стороны Австрии оказать поддержку Пьемонту и при благоприятном исходе войны присоединить к нему Ломбардию и Венецию, получив взамен Савойю. Вопрос об уступке Ниццы оставался пока открытым. Еще до подписания трактата Виктор Эммануил, в 1848 году наследовавший престол Карла Альберта, заявил в палате, что не может оставаться равнодушным к страданиям родной страны. Это заявление было равносильно вызову, брошенному в адрес Австрии. Несмотря на многократные попытки Англии добиться мирного соглашения, несмотря на постоянные колебания Наполеона, боявшегося навлечь на себя гнев Пруссии, война, к великой радости Кавура, была признана неизбежной. 29 апреля 1859 года австрийские войска перешли Тичино. Вслед за тем последовало объявление войны в Париже, и Наполеон III во главе своих войск явился в Пьемонт. Со всех сторон стекались сюда добровольцы для вступления в армию. Когда окончательно были сформированы регулярные войска, Кавур, желая поддержать в народе популярность своего дела, разрешил образование отрядов волонтеров, невзирая на формальный протест Наполеона III.

Вызванный в Турин Гарибальди был назначен начальником только что учрежденного корпуса “альпийских охотников”. На это назначение он отозвался следующим письмом:

“Этим высоким доказательством своего доверия правительство короля навсегда приковало к себе мое глубокое чувство благодарности; я почту себя счастливым, если действия мои окажутся на высоте горячего моего желания служить ему”.

В начале кампании Гарибальди находился под командованием генерала Чиальдини, но вскоре ему было дано право действовать вполне самостоятельно. Предоставив возможность вождю альпийской армии распоряжаться по-своему, туринское правительство не стало затруднять себя дальнейшими заботами о нем. Все хлопоты по вооружению и обмундировке волонтеров лежали на Гарибальди. Напрасно просил он о присылке ему отряда артиллерии и батальона саперов; все требования и просьбы его оставались без ответа. При переходах через реки, на которых австрийцы заботливо уничтожали мосты, ему приходилось прибегать к содействию населения и пользоваться связанными между собой барками. Очутившись на левом берегу Тичино, отделенный от союзной армии обширной равниной, удаленный на 50 верст от ближайшего отряда Чиальдини, Гарибальди укрепился в Варезе. Отсюда он разослал во все стороны эмиссаров для поднятия всеобщего восстания

согласно поручению Кавура. Между тем, в австрийском лагере решено было строго “наказать Гарибальди”. С этой целью был послан генерал Урбан. Но Гарибальди не привык терять драгоценное время. Расположив свои силы в городе и вокруг него, он укрепил его баррикадами, обеспечил себе отступление в случае неудачи и ждал неприятеля с твердым намерением победить. Сражение длилось четырнадцать часов. Два раза австрийцы возобновляли атаку и оба раза с громадным уроном были отброшены. Отступая, разбитый наголову генерал уводил с собою лишь одного пленного. “Он стоит мне, по крайней мере, 200 человек убитыми”, – говорил Урбан в бешенстве, имея в виду этого единственного пленника. “Я потерял в Варезе 1000 человек; они будут отомщены, все будет предано огню и мечу”. Но второе сражение, данное Гарибальди Урбану, окончилось таким же поражением для последнего. Гарибальдийцы действовали так решительно, что Урбан ни за что не хотел верить, что дело обошлось без участия союзных войск. Ввиду успехов Гарибальди австрийцам было послано подкрепление. Узнав об этом, начальник альпийских охотников решил предупредить движение неприятеля и первый явился в Комо. Пока он входил в город с одной стороны, занимавший его австрийский гарнизон удалялся с другой. Таким образом, Комо достался волонтерам без боя. Овладев городом, Гарибальди нашел в нем множество жизненных припасов, а главное – большие запасы оружия и амуниции, в которых он сильно нуждался для снабжения ими вновь прибывающих волонтеров.

Узнав, что генерал Урбан, известный своей зверской жестокостью, идет на Варезе, чтобы наказать жителей, Гарибальди поспешил на защиту города и пошел прямо на Урбана, занявшего позицию по дороге от Милана в Варезе. По пути волонтерам встретилась карета, которая, поравнявшись с генералом, остановилась. Из нее в сопровождении священника вышла молодая девушка редкой красоты и передала Гарибальди письмо с известием, что его ждут в Комо. Городу в это время грозила серьезная опасность как со стороны австрийцев, так и со стороны готовившейся клерикальной реакции. Девушка была та самая маркиза Раймонди, которой суждено было сыграть такую печальную роль в жизни Гарибальди. Переговорив с маркизой и дав обещание быть в городе на следующий день, Гарибальди прибыл туда в назначенное время: генерал Урбан был отозван в Милан, где готовилось восстание. Со своей стороны, Гарибальди тоже получил приглашение от жителей Милана прийти на помощь городу. Он собирался в путь, когда получил письмо от Наполеона III с просьбою отказаться от похода в Милан.

Насколько император боялся смелых действий Гарибальди и его популярности, настолько последний ненавидел Наполеона за его постоянные колебания и неискреннее отношение к делу Италии. Таким образом, полученное письмо могло только утвердить его в намерении содействовать восстанию в Милане. Разорвав письмо пополам, он отослал его вместо ответа императору и собирался оставить без внимания требование Наполеона. Но такой же приказ Виктора Эммануила, которому всей душой был предан Гарибальди, удержал его в Комо. Здесь, в то время как союзная армия готовилась к битве при Мадженте, Гарибальди занялся формированием новых батальонов.

Мы воспользуемся этой временной приостановкой военных действий, чтобы привести описание наружности и привычек генерала, найденное нами в письме одного русского путешественника, которому удалось в это время лично познакомиться с Гарибальди.

“Я увидел перед собой, – пишет он, – человека среднего роста, лет под пятьдесят, с русой с проседью бородкой и с коротко остриженной головой, в новом генеральском мундире пьемонтских войск... Я представился. Гарибальди заговорил быстро, немного резким, но приятным голосом, извиняясь, что не мог принять меня вчера... Он произвел на меня самое выгодное впечатление. В нем много простоты с достоинством необыкновенным. В голосе энергия и сила, что-то командное. Я не помню, чтобы слышал когда-нибудь подобный голос. Он говорит не останавливаясь, без всякой запинки (особенно на родном языке). Пишет так же, как говорит, четко, плавно, красиво, как рисует. Можно сказать, что он хорош собой, особенно приятны глаза. Их никогда не нарисуют – этого мягкого грациозного движения широких век, – хотя бы рисовал Брюллов, умноженный на Ван-Дейка. Трудно передать бравость и поэтическую осанку солдата Гарибальди, воспитанную командой в разных боях. Но странно, бывают минуты, когда он как-то незаметно выйдет из кабинета весь тихий и спокойный, как бы осевший, опустившийся – и ходит, и стоит тут между своими офицерами, совсем никому не видный; вам и в голову не придет, сколько поэзии, прелести, силы и жизни пробудится в следующую минуту в этой небольшой, тихой и простой фигуре. Говорят, его надо видеть в бою или... хотя бы в обществе дам”.

Джузеппе Гарибальди

Далее идет описание привычек Гарибальди. Вставал он рано, в три часа; в четыре уже выезжал из дому. Многие представлялись ему в половине четвертого. Ложился он также рано, часу в

девятом, но сон служил только предлогом, чтобы его не беспокоили. Уйдя в свою комнату, он ложился на постель, завернутый в свое неизменное пончо, и до глубокой ночи читал газеты, грудами лежавшие возле него на постели. Это были его любимые часы, единственные, когда он жил для себя. Весь остальной день проходил для него в постоянных трудах. Канцелярии у него никогда не было; все бумаги писал он большею частью сам или поручал кому-нибудь из дежурных офицеров и вообще до минимума сокращал всю письменную часть, устраивая свою главную квартиру, он выбирал для себя самую маленькую и простую комнату и довольствовался самой скромной обстановкой, допуская в качестве убранства только букет цветов; он очень любил окружать себя цветами. Гарибальди не имел ни малейшей склонности к комфорту, не говоря уже о роскоши; его белье, его одежда, даже седло для лошади составляли заботу его близких друзей; часто всем этим снабжали его знакомые дамы. Денег у него никогда не бывало в руках; он совсем не знал им цены, и все расходы, как его личные, так и касающиеся содержания армии, велись его секретарем.

5 июня Гарибальди вышел из Комо, по-прежнему продолжая беспокоить неприятеля. Захватив форт делла Рокка и овладев железнодорожной станцией, он наделал много бед австрийцам тем, что отвечал по-своему на перехваченные телеграммы.

Из сражений, данных им австрийцам в это время, особенно знаменита победа при Трепонти. Это дело подготовило сражение при Сольферино, заставив неприятеля изменить прежний план действий. Победою при Трепонти завершилось участие альпийских охотников в кампании 1859 года.

Стоя в стороне от дипломатических расчетов союзников, Гарибальди не подозревал, что, начав войну с австрийцами, император решил остановиться на полпути. Не предполагая, что обещанное в прокламациях Наполеона освобождение Италии от Альп до Адриатики имело мало общего с его действительными намерениями, вождь волонтеров собирался идти на помощь Венеции. Между тем, от правительства последовало распоряжение, запрещавшее под каким бы то ни было предлогом переступать границы Тироля. Гарибальди получил приказ идти обратно на восток с целью будто бы сразиться с новой армией – пруссаками, как значилось в конфиденциальном сообщении. Повинуясь приказу, он предпринял движение на восток, но на всем пути не встретил никакой армии. Наконец к нему явился в качестве парламентера австрийский офицер, привезший с собою уже подписанный договор о перемирии. Теперь в Пьемонте ему делать было нечего.

В то время, как Северная Италия служила театром войны с австрийцами, в Средней Италии происходили волнения, вызванные отзывом австрийских войск на север для подкрепления действующей армии. Великий герцог Тосканский бежал из своих владений, и страна готова была примкнуть к Пьемонту в борьбе за независимость. Точно так же оставили свои владения герцог Моденский и герцогиня Пармская. В Романье удаление австрийцев привело немедленно к ниспровержению папской власти. Всюду раздавались голоса в пользу присоединения к Пьемонту.

Гарибальди получил приглашение от временного правительства Тосканы принять начальство над войсками. С другой стороны, Кавур поручил ему объехать государства Средней Италии и поднять народ, так как трудно было ожидать более благоприятной минуты для народного восстания. Преследуя последнюю цель, Гарибальди расстался со своим отрядом, при помощи которого мог бы делать чудеса, и отправился в Модену.

Подводя итоги кампании 1859 года, Виктор Эммануил не мог не оценить заслуг “предводителя альпийских охотников”. Невзирая на протесты своих министров, он предложил ему звание генерал-лейтенанта. Уведомленный о королевской милости Гарибальди написал письмо к своему государю, в котором в почтительных выражениях просил его отложить пока это назначение, могущее лишить его дорогой ему свободы действий.

Поездка Гарибальди по Средней Италии служила блестящим доказательством возрастающей популярности народного героя. Особенно трогательна была встреча, оказанная ему в Романье, жители которой 10 лет назад с такой любовью и самоотвержением оберегали его жизнь, когда, потеряв жену, удрученный горем, преследуемый врагами, он скрывался в чащах Пинеты. Много старых знакомых, много дорогих лиц и воспоминаний встретил он в этих краях. Пребывание его в Равенне носило характер настоящего народного празднества; поездка в Пинету походила на триумфальное шествие. В Пинете находилась могила незабвенной Аниты, и к этой могиле спешил Гарибальди. В глубине леса, в маленькой часовне, с трогательною торжественностью, в присутствии генерала и всей его семьи совершен был обряд погребения над останками покойной, десять лет ожидавшими последнего благословения. Из Равенны Гарибальди предпринял поездку в Болонью; поездка эта сопровождалась еще большими овациями, нежели предшествовавшая. Народ буквально неистовствовал; из экипажа, в полном смысле слова засыпанного цветами, были выпряжены

лошади; их заменили энтузиасты из толпы, оспаривавшие друг у друга честь везти своего идола; неумолкавшие крики: “Evviva Italia! evviva Garibaldi!” сопровождали его на протяжении всего пути. Не любивший подобных оваций генерал серьезно страдал от всего этого шума. – “Questo sono propriamente giornate dell'inferno (это поистине адские дни)!” – со вздохом говорил он своим спутникам.

Среди бурного ликования толпы, среди всеобщего восторга тихою грустью повеяло на героя от воспоминаний о верном его спутнике, покойном Уго Басси, делившем с ним все неимоверные трудности похода через Романью в 1849 году. В то время товарищи Гарибальди, народный вождь Чигеровакьо и священник Уго Басси, не избежали мести австрийцев; оба были взяты в плен и казнены.

Вызванный из-за стола во время одного из многочисленных банкетов, Гарибальди вернулся совершенно расстроенный. Бледный, с трудом подавляя свое волнение, показал он окружающим только что врученные ему четки, которые велел передать ему на память Уго Басси, идя к месту казни с окровавленными руками и лицом[2].

Совершив задуманную поездку, Гарибальди занялся организацией тосканской армии, при помощи которой надеялся возобновить военные действия, прерванные делом при Сольферино. Из Тосканы он съездил в Комо, где обвенчался с маркизою Раймонди, той самой красавицей, которая вручила ему письмо на дороге из Милана в Варезе. Браку этому не суждено было состояться фактически. Непосредственно после обряда венчания, при выходе из церкви, Гарибальди было вручено письмо, в котором сообщалось, что молодая жена его давно принадлежит другому и готовится быть матерью. Так как маркиза ничего не могла сказать в свое оправдание, то Гарибальди уехал немедленно, с тем чтобы никогда более не встречаться с ней. Впоследствии он развелся с маркизой и женился на простой крестьянке.

Но недолго занимал мысли героя этот печальный эпизод личной жизни. Ему готовилась обида гораздо более чувствительная, надолго заглушившая в нем всякие личные вопросы. Гарибальди узнал об уступке французам Савойи и Ниццы по Виллафранкскому договору.

Наполеон III предложил Виктору Эммануилу присоединить к своим владениям Парму с Моденой и управлять Романьей в качестве наместника папы, а в Тоскане образовать отдельное правительство. В вознаграждение за содействие он требовал исправления французских границ присоединением к Франции

Савойи и Ниццы. Считая союз с Наполеоном необходимым условием для осуществления итальянского единства, Кавур согласился на его условия. Жителям Савойи и Ниццы было объявлено согласие короля на присоединение их к Франции, и, под давлением правительства обеих держав, плебисцит высказался в пользу присоединения.

Переход во власть чужеземцев родного города, в то время как он столько лет своей жизни, все помыслы свои, все силы души положил на освобождение Италии, казался Гарибальди вопиющей несправедливостью, горькой иронией судьбы, преступлением со стороны людей, согласившихся на такое вопиющее насилие. Ослепленный горем, будучи не в силах снести обиду, явился он в парламент в качестве депутата от своей родины Ниццы и огласил палату воплями негодования. Бросив Кавуру в презрительно-негодующих выражениях обвинение в лишении его отечества, он оставил зал заседания. Несмотря на внешнее хладнокровие Кавура, в блестящей речи оправдавшего свою политику, оскорбительные слова Гарибальди глубоко запали в душу министра. Спустя год, лежа на смертном одре, Кавур с горестью вспоминал об этом эпизоде. “Поступок мой, прорывший между нами такую пропасть, – говорил он, – был самым тяжелым событием моей жизни. По тому, что я чувствовал сам, я знаю, что должен был чувствовать Гарибальди. Если он отказывает мне в прощении, я не могу упрекать его за это”. Разочарованный в своих ожиданиях Гарибальди удалился на свой скалистый остров, где мог на свободе предаться своему горю.

Капрера принадлежит к многочисленной группе мелких островов, окружающих северный берег Сардинии у входа в пролив Бонифацио; узкий рукав Монетта отделяет ее от острова Мадалены. С восточной стороны остров представляет колоссальную сплошную стену, род ширмы чудовищных размеров, в мрачном величии поднимающуюся из лона вод; на западе гранитные глыбы нагромождены одна на другую, точно после взрыва гигантской мины. Спускаясь отвесными террасами, они образуют обширный амфитеатр, нижние ступени которого омываются морскими волнами. Однообразные серые и беловатые тона гранитных твердынь слегка оживляются лишь тощими мастиковыми и миртовыми деревьями и деревцами толокнянки. Печально выглядят эти хилые представители растительного царства. Низко клонят они к востоку жалкие, искривленные стволы свои, пригибаемые к земле напором сирокко, со страшной силою врывающегося в пролив Бонифацио. Вой и свист непрерывно дующего ветра сливается с прибоем волн в дикую, поющую мелодию, и еще мрачнее, еще тоскливее от этого на

острове. В былые времена печальное уединение Капреры время от времени нарушалось видом пакетботов, проходивших мимо из Леванта и заходивших в маленькую гавань Мадалены. Теперь же, когда на острове поселился Гарибальди, он был лишен и этого развлечения, и пустынные берега Капреры лишь изредка посещались искателями кораллов, причаливавшими сюда свои лодки для короткого отдыха. Раз в неделю почтовый пароход заходил в опустевшую гавань Мадалены и составлял единственное сообщение острова с материком.

На этом-то диком, неприветливом утесе основал Гарибальди свое уединенное жилище, выбрав для него наиболее живописное местоположение и с любовью руководя работами по его устройству. Изящно сложенный из гранита, в стиле южноамериканских построек, домик состоял из одного этажа с плоскою крышею и маленьким бельведером, который заканчивался красивым куполом. С западной стороны на расстоянии нескольких саженей от дома возвышалась мельница, работавшая исключительно на единственного владельца острова. Внутренность дома состояла из двух комнат и кухни; убранство его отличалось крайней простотой, близко граничившей с бедностью. Одна из комнат служила одновременно спальней и рабочим кабинетом Гарибальди. Под полом этой комнаты была устроена небольшая цистерна, за неимением на острове другой воды, годной для питья. Отверстие цистерны приходилось под кроватью, и сырые испарения, поднимавшиеся из-под пола, содействовали развитию ревматических болей, которые Гарибальди вывез еще из Америки и которыми он так страдал, особенно в последние годы жизни. Кровать с тюфяком, до того жестким, что на нем мог спать только неприхотливый его владелец, столь старое кресло и сундучок, где хранились бумаги, составляли все убранство комнаты. Над кроватью висел портрет “дорогой старушки-матери”. Единственным предметом роскоши среди этой убогой обстановки служила небольшая, толково составленная библиотека, по преимуществу из хороших серьезных книг. Между солидными английскими сочинениями по навигации и тактике здесь встречались творения Шекспира, Байрона, Юнга, Гумбольдта, Плутарха, Боссюэ и так далее. В другой, более просторной, комнате стояли три железные кровати для друзей, иногда приезжавших погостить у героя. Здесь же помещался Фрусчианте, бывший священник, ставший после защиты Рима фактотумом Гарибальди. Эта вторая комната была убрана разнообразным иностранным оружием – военными трофеями хозяина – и несколькими знаменами, между которыми особенно выдавалось черное шелковое с изображением Везувия,

пожалованное итальянскому легиону после сражения под Сант-Антонио. В помещавшейся у самого дома маленькой железной постройке, похожей на те передвижные домики, которые возят с собой американские пионеры, жил Джованни Бассо, секретарь и вместе с тем казначей Гарибальди. Бассо познакомился с последним во время его путешествий в Китай, сильно привязался к нему, последовал за ним в Европу и навсегда остался при нем. Недалеко от дома находилась деревянная хижина, первое временное жилище Гарибальди на Капрере, где теперь помещалось около тридцати овец и несколько коров вместе с пастухом. Наконец, в небольшой пристройке, называемой "Ватиканом", обитал старый осел, по мысли Фрусчианте названный Pio Mono. Бывший священник приносил ему ежедневно несколько пучков травы, которые назывались лептою св. Петра. Подле дома находился большой, тщательно обработанный участок земли, где, кроме разнообразных овощей, росли кипарисные, миндальные, грушевые и каштановые деревья в соседстве с несколькими яблонями и виноградными лозами; где возделывался даже прихотливый сахарный тростник. Это пространство было огорожено забором, сложенным из камней, не связанных цементом, и предназначенным для защиты плантации от нашествия диких быков и целого племени низкорослых диких ослов, населявших Капреру. Эту стену сложил Гарибальди с помощью своих товарищей по оружию, бывших офицеров – альпийских охотников. Приезжая погостить у своего вождя и заставая его неизменно за работой, они покорно следовали примеру хозяина, брались за тачку и свозили груды камней, из которых складывалась стена. Разведя виноградную лозу, Гарибальди счел нужным заняться виноделием. С наслаждением попивал он свое самодельное вино, находя его бесподобным и любезно потчуя им своих гостей. Пробуя это до невозможности кислое питье, никто, однако, не решался сделать вполне простительную гримасу – так велика была радость хозяина, когда хвалили вино его лоз. Охота запрещалась на Капрере; гуманное чувство хозяина не допускало этой варварской, по его мнению, забавы. Иногда, однако, Гарибальди продавал мяснику одного или двух диких быков, которых ловил сам при помощи лассо. Тогда на Капрере появлялась говядина. В остальное время питались рыбой, которая в изобилии ловилась по берегам острова. Таким образом, поселившись на угрюмом, пустынном островке с бесплодною почвой, едва способною питать растущие на ней жалкие деревца, Гарибальди в несколько лет упорного труда сумел прекрасно устроить свое маленькое хозяйство и чувствовать себя вполне счастливым в обществе своих артишоков,

спаржи и арбузов. Между тем, наступала весна 1860 года, а с нею – новые события на материке и новые триумфы для скромного землевладельца Капреры.

Глава V. Экспедиция “Тысячи”

Медлительность туринского правительства. – Вызванные ею волнения. – Восстание в Сицилии. – План Гарибальди. – Взгляд Кавура на сицилийские волнения. – Письмо Мадзини. – Франциск II, король неаполитанский. – Гарибальди на вилле Спинола. – Письмо Гарибальди к Виктору Эммануилу. – Отъезд экспедиции в Сицилию. – Тысяча. – Прибытие в Марсалу. – Каталафими. – Палермо. – Свидание на корабле “Ганнибал”. – Генерал Боско. – Капитуляция. – Новые волонтеры. – Отзыв Виктора Гюго о Гарибальди. – Милаццо. – Мессина. – Письмо короля. – Неудавшаяся экспедиция в Папскую область

Вслед за миром в Виллафранке туринское правительство, судя по его упорному молчанию, казалось, намерено было остановиться на полдороге в вопросе объединения страны. Придерживаясь своей осторожной политики, Кавур боялся слишком быстро идти к цели, хотя и решил мысленно, что до Виллафранкского мира объединение Италии было возможно, но после него стало необходимо. Опасаясь потерять союзника в лице французского императора, он избегал рискованных шагов и на этом основании отверг план Мадзини, предлагавшего ему поднять восстание одновременно в Неаполе и Риме и, заняв последний, сразу покончить дело объединения. В Италии политика Кавура возбудила недовольство среди партии действия и вызывала волнения. Всюду замечались явные признаки брожения, предвещавшие грозу. В то время как Гарибальди потребовал в парламенте предания суду Кавура за уступку Савойи и Ниццы, в Сицилии вспыхнуло восстание. Оно было подавлено неаполитанским правительством, но волнение не улеглось и грозило разразиться новыми беспорядками. Еще раньше Гарибальди обещал некоторым друзьям своим, уроженцам Сицилии, принять участие в восстании их соотечественников, как только они поднимут оружие против неаполитанского правительства. Деятельная помощь сицилийцам вытекала из плана, который составил Гарибальди, – расшатать абсолютизм там, где он был сильнее всего, то есть в Неаполе и Риме. Примыкая к восстанию на Сицилии, он собирался возбудить одновременно восстание в Папской области и в Неаполитанском королевстве. С этой целью он намеревался организовать в различных пунктах страны небольшие революционные очаги, чтобы не дать противникам возможности сосредоточить свои силы в одном месте.

Создавая этот план, Гарибальди ни в коем случае не мог

надеяться осуществить его собственными средствами и потому рассчитывал на содействие туринского правительства. Но Кавур имел свою точку зрения и решил пока не помогать партии действия в ее начинаниях, но и не ставить ей никаких преград; боясь смутить своего союзника доброжелательным отношением к ненавистной ему партии, он делал вид, что всеми силами преследует сторонников революционного направления. Поставленный между двух огней, министр Виктора Эммануила взял на себя трудную, быть может, ему одному посильную задачу – направить к общей цели революцию и дипломатию, то пользуясь услугами первой, то сдерживая ее, когда она грозила повредить его добрым отношениям к союзнику, взявшему теперь под свое явное покровительство папу и его престол.

При таком положении дел победы Гарибальди в 1859 году и его постоянно возраставшая популярность сильно заставляли задумываться туринского дипломата. У него возникало опасение, что, единожды выйдя из повиновения, Гарибальди, при своем стремлении немедленно довести дело до конца, пойдет вразрез с его политикой и погубит дело родины. Кавур не одобрил план Гарибальди. На восстание в Сицилии он смотрел совершенно своеобразно, находя, что оно случилось весьма кстати для Пьемонта, от которого отвлекло беспокойные элементы. “Сицилия, – говорил он, – это фонтанель, куда направляется все вредное для Пьемонта”. Не меньше, чем Гарибальди и Мадзини, желая объединения Италии, Кавур хотел в то же время, чтобы оно совершилось постепенно и медленно, по возможности мирным путем, и во всяком случае – без потрясений; вот почему проекты революционных вождей не находили в нем сочувствия. Со своей стороны, и Виктор Эммануил, с недоверием относившийся к грандиозным планам Гарибальди, не подавал ему ни малейшей надежды на поддержку.

При таком отношении туринского правительства Мадзини и Гарибальди решили продолжать дело Италии на свой страх и риск. Мадзини написал письмо на имя одного из своих друзей, который должен был вручить его королю Пьемонта. В письме этом он убеждал Виктора Эммануила оказать терпимость к его партии, не препятствуя членам ее действовать среди народа; он просил поддержать Гарибальди в борьбе за независимость Италии и помочь ему в случае, если одна из держав выступит на защиту короля неаполитанского. Со своей стороны, бывший диктатор обещал королю сохранить в строгой тайне его содействие, разжечь восстание в Сицилии и Неаполе, по присоединении которых к Пьемонту объединение совершится само собою без всяких затруднений. В конце письма Мадзини предостерегал

короля, говоря, что брожение умов, вызванное его медлительностью, начинает грозить анархией, что, к тому же, военный энтузиазм из-за бездеятельности, в которой оставляют народ, начинает слабеть, отчего дело родины может быть проиграно. Мало рассчитывая на сочувствие туринского правительства, в котором он разочаровался уже раньше, Мадзини распустил прокламации, обращенные к сицилианцам, с целью подготовить последних к прибытию Гарибальди. В это время капрерский отшельник, развязавший себе руки отклонением королевской милости, задался целью набрать необходимое оружие и обучить солдат для борьбы за независимость. Он примкнул к обществу “Вооруженная нация”, а затем, когда вследствие правительственных репрессий оно распалось и возродилось в обществе “Подписка на миллион ружей”, сделался членом последнего.

Несмотря на преследования, начатые дипломатией против “Вооруженной нации”, несмотря на неодобрение, с каким отнесся Кавур к плану действий, выработанному в совместных совещаниях Мадзини, Гарибальди и Ратацци, большая часть политических изгнанников, не устрашившись антиреволюционных веяний, вернулась в Италию. Они-то взяли на себя руководящую роль в деле приготовления восстания в Неаполе и на Сицилии.

В то время королевством обеих Сицилии управлял Франциск II Бурбон, сын Фердинанда II, своим управлением заслужившего презрительную кличку *король-бомба.* Верный традиционной политике своей династии, возбудившей к себе общую ненависть, юный король ко всем порокам своих предшественников присоединял еще чрезвычайную нерешительность. Отсутствие характера выражалось у него в постоянных колебаниях и переходах от уступок и либеральных реформ к самым тяжелым репрессиям, к зверски жестокой расправе с непокорными. Меры правительства вызывали восстания, особенно частые в последнее время. Тогда начиналась расправа, сопровождаемая кровавыми сценами, трудно поддающимися описанию.

Гарибальди поселился на вилле Спинола, недалеко от Генуи, и занялся приготовлениями к экспедиции. Со всех концов стекались к Гарибальди волонтеры, и вскоре число их возросло до тысячи. Гарибальди стоило неимоверных усилий собрать вооружение, достаточное для экспедиции. Наконец, покончив с главными приготовлениями, он объявил 4 мая, что думает выступить на следующий день. Ко дню отъезда он приготовил несколько писем, из которых одно было адресовано Виктору Эммануилу, другое – к пьемонтской армии. Он убеждал

последнюю честно служить королю, который “только временно подчинился влиянию своих приближенных и вскоре приведет армию к окончательной победе”. Два письма были адресованы друзьям героя, получившим поручение возбуждать восстание в народе, и, наконец, последнее – к владельцам захваченных пароходов – заключало в себе извинение в нанесенном им ущербе и обещание со временем возместить все убытки. Виктору Эммануилу Гарибальди писал между прочим следующее:

“Государь! Вопль *помогите!,* разразившийся в Сицилии, тронул мое сердце и сердца нескольких сот моих прежних солдат. Я не советовал моим братьям в Сицилии поднимать восстание; но с тех пор, как они возмутились во имя представляемого Вами итальянского единства против постыднейшей тирании нашего времени, я не задумался стать во главе экспедиции. Если мы победим, я надеюсь, что Италия и Европа не забудут, что это предприятие было внушено самым великодушным порывом патриотизма. Если мы будем победителями, мне достанется слава украсить Вашу корону новою и, может быть, наиболее ценною из ее жемчужин, с тем единственным, однако, условием, что Вы никогда не позволите своим советникам передать ее чужестранцам, как было сделано с моим родным городом”.

5 мая, с большими предосторожностями, пароходы “Пьемонт” и “Ломбарде” вышли из Генуэзской гавани, увозя с собою Гарибальди и тысячу семьдесят человек волонтеров. Никто, кроме вождя экспедиции, не знал, куда она, собственно, направляется. По пути зашли в небольшую тосканскую гавань, где захватили четыре орудия и несколько бочонков с порохом; здесь же высадилась часть экспедиции, которой было поручено возбудить восстание в Папской области. Затем была сделана перекличка оставшимся волонтерам; их оказалась тысяча, и с этих пор возникло название *Экспедиция тысячи.* Несмотря на все принятые предосторожности, об экспедиции знала уже вся Европа, и на нее было направлено общее внимание. По пути в Сицилию взад и вперед крейсировали неаполитанские суда, отправленные с целью помешать высадке гарибальдийцев. Чтобы избежать неприятной встречи, Гарибальди направился перпендикулярно тому направлению, по которому следовало идти в Сицилию, и пошел прямо к берегам Африки, а затем неожиданно повернул к северо-востоку по направлению к Марсале. Недалеко отсюда он встретил неаполитанское военное судно и ловким маневром выиграл целый час времени, в течение которого успел войти в рейд Марсалы и разгрузиться. Когда же неаполитанский пароход вошел в рейд и начал пальбу, почти все волонтеры были уже на берегу. Прием, встреченный гарибальдийцами в Марсале, был

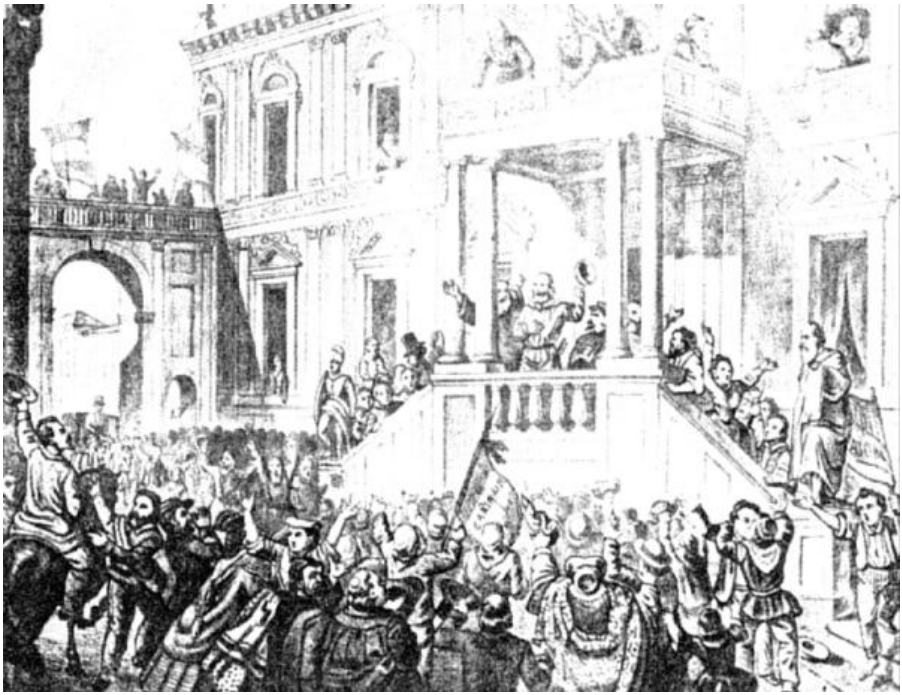
холоден. Возможно, что такое равнодушие объяснялось страхом перед стоявшим на рейде неаполитанским судном. Вскоре последнее прекратило пальбу и ушло обратно в море. Гарибальди направился в Палермо. Он распустил прокламацию, в которой объявлял себя диктатором острова от имени Виктора Эммануила, короля Италии. Вскоре примкнула к нему толпа инсургентов, вооруженных кто охотничьим ружьем, кто пикой, кто просто саблей. Это были люди, отозвавшиеся на недавнее восстание в Палермо и теперь готовые сражаться под знаменем героя.

К двенадцати часам дня с высоты холма гарибальдийцы увидели Каталафими и вблизи него – расположенный на склоне горы пятитысячный отряд неаполитанцев. При первом натиске неаполитанцев гарибальдийцы бросились в штыки. Этот маневр всегда удавался им, и теперь, несмотря на свою численность, неаполитанцы с генералом Ланди во главе были разбиты наголову. Ланди оставил Каталафими и ушел в Палермо. По дороге войска его оставляли за собой изуродованные трупы, дымящиеся развалины и вопли отчаяния. Они грабили города и бесчеловечно предавали смерти жителей. 17 мая Гарибальди вышел со своей армией из Каталафими. Вид разрушения и отчаяния, в которое была повержена страна бурбонскими войсками, еще более разжигал мужество волонтеров. Число их росло с каждым днем, ряды пополнялись постоянно прибывавшими инсургентами. Приходя в разграбленные города, они погребали убитых, приносили утешение оставшимся в живых. Водворив порядок в городе Партинико, оказавшем сопротивление австрийским войскам и потому пострадавшем более других, Гарибальди направился в Палермо.

Благодаря революционному комитету, сообщившему ему подробные сведения, он в точности знал число неприятельских войск, сосредоточенных в городе; их было по крайней мере пятнадцать тысяч под начальством генерала Боско. Гарибальди расположился в нескольких верстах от Палермо. Придерживаясь партизанской тактики, он растянул свои войска вдоль города в длинную линию, за которой можно было предположить многочисленные отряды. Снизу нельзя было разглядеть, что делалось за аванпостами, нельзя было составить себе понятие о численности армии волонтеров. Гарибальди составил план отвлечь от Палермо большую часть войск и в их отсутствие овладеть городом. Генерал Боско поддался обману и бросился в погоню за отряженными для этой цели инсургентами, предполагая, что это и есть главная армия гарибальдийцев. Войска встретились возле села Парко; до наступления ночи длилось сражение, но неприятель не мог одолеть волонтеров.

Потрепанные уже под Каталафими бурбонские солдаты начинали приходить в уныние от стольких неудач. Ночью Гарибальди разделил свой отряд на две колонны, из которых одна двинулась в глубь страны, увлекая за собою Боско, другая же, предводимая им самим, направилась к Палермо. Теперь город был лишен большей части своих защитников. Подойдя к нему, Гарибальди сделал смотр своему отряду. “Завтра, – сказал он волонтерам, – я буду в Палермо или меня не будет в живых”.

Под вечер 27 мая, как только сгустились сумерки, отдельные маленькие группы волонтеров осторожно спустились к дороге, ведущей в город с восточной стороны. Спокойно дремала стража; ничто не возбуждало ее бдительности. Вдруг с криком: “Италия! Италия!” Гарибальди ринулся в атаку и, опрокинув стражу, понесся по мосту. Мгновенно со всех сторон завязался бой. Только темнота ночи спасала волонтеров от гибели. Проникнув в городские ворота, Гарибальди клином врезался в город, гоня перед собой обезумевших от внезапного нападения бурбонских солдат. Казармы св. Антония, где они искали спасения, были взяты приступом. К середине дня гарибальдийцы овладели городской ратушей, и итальянский флаг взвился на башнях собора и на публичных зданиях. Городские жители, до сих пор довольствовавшиеся пассивной ролью зрителей, увидев своих земляков, поддались общему энтузиазму. В воздухе стоял звон от криков “evviva l'Italia!”, вскоре улицы Палермо огласились победными песнями.



Гарибальди провозглашен диктатором в Палермо

Между тем в неприятельском лагере обнаружились признаки деморализации; многие солдаты дезертировали и присоединялись к волонтерам.

Видя невозможность справиться с восстанием, генерал Ланца обменялся несколькими телеграммами с Франциском II и получил от него приказ капитулировать. Конвенция была подписана, и с этих пор Гарибальди имел право смотреть на Сицилию как на землю, вошедшую в состав “единой Италии”. Дело освобождения не встречало более преград на острове. Неаполитанские войска очистили город и разместились на судах, стоявших на рейде, чтобы отправиться обратно в Неаполь. Для жителей Палермо тревожные, печальные дни сменились общим ликованием. Город был великолепно иллюминирован, всюду развевались трехцветные знамена. В главной квартире шла усиленная работа по внутренней организации страны, придумывались средства для облегчения участи вдов и сирот погибших за дело свободы.

Между тем из Италии приходили денежные средства, прибывали новые волонтеры. Последних встречали с распростертыми объятиями; диктатор, более всего нуждавшийся в хорошо вооруженных воинах, с радостью зачислял их в ряды своей армии. Победы “тысячи” вызвали всеобщее сочувствие и за пределами родины; все нации отозвались на них посильною

помощью людьми и деньгами. Лучшие защитники всемирной свободы зорко следили за событиями в Сицилии и при первой возможности стекались под знамена Гарибальди. Они бросали доходные должности, выгодное положение и приходили умирать вместе с итальянскими патриотами.

Виктор Гюго на острове Джерси произнес блестящую речь, в которой объяснял жителям острова значение недавних событий в Италии:

“Что такое Гарибальди? – спрашивал он. – Человек, ничего более. Но человек в самом высоком смысле этого слова. Человек свободы, человек человечности. Vir, как назвал бы его соотечественник Вергилий. Есть у него армия? Нет. Только горсть волонтеров. Боевые запасы? Нет их. Порох? Несколько бочек. Орудия? Взятые у неприятеля. В чем его сила? Что доставляет ему победу? Что стоит за него? Душа народов”.

Иначе относились, на первый взгляд, к успехам Гарибальди в Турине. Вскоре появился изданный Кавуром циркуляр, которым воспрещалась деятельность всех комитетов, созданных для вербовки волонтеров. С этих пор все желавшие прийти на помощь Гарибальди должны были отправляться в Сицилию поодиночке и с соблюдением строгой тайны. Тем не менее, в середине августа в армии Гарибальди насчитывалось уже 16 с половиной тысяч солдат и офицеров. В этом случае, как и всегда, Кавур оставался верен своей политике; циркуляр, так резко выражавший порицание экспедиции, был издан лишь с целью отвести глаза кому следует. В сущности же министр не только не препятствовал, но даже много содействовал делу гарибальдийцев различными тайными распоряжениями.

В середине июня Гарибальди с частью волонтеров и полевой батареей отправился морем в Милаццо на помощь Медичи, осадившему город и оттесненному затем генералом Боско. Высадившись в Лимери, на близком расстоянии от Милаццо, Гарибальди приготовился к немедленной атаке. Заметив, что успех начинает клониться в сторону противника, он спешит к морю, пробирается на свое судно, сам наводит орудие на правое крыло неаполитанцев и, таким образом, отвлекает от своего центра наиболее опасные для него крепостные орудия. Убедившись, что хитрость его удалась, он снова возвращается на прежнее место, чтобы за неимением лошади, убитой под ним, сражаться пешком в рядах своих храбрых волонтеров.

Наконец 23 июля на рейде показались несколько судов, и между ними – неаполитанский паровой фрегат с поднятым на фок-мачте парламентерским флагом. Крепость Милаццо со всеми боевыми запасами, с провиантом и всем инвентарем была

передана Гарибальди; неаполитанское войско должно было очистить крепость и уплыть на судах, стоявших на рейде. Кроме того, было обещано прекращение на два месяца враждебных действий против гарибальдийцев как в Сицилии, так и во всем Неаполитанском королевстве.

Вскоре по очищении Милаццо сдалась и Мессина. Сдача последней произошла без всякого боя, по конвенции, заключенной с комендантом. В силу той же конвенции, заключенной с комендантом Мессины, Гарибальди предоставлена была и цитадель Сиракузы. С этих пор Сицилия могла себя считать окончательно избавленной от гнета неаполитанского тирана. Здесь уже все было сделано, и театр военных действий предстояло перенести в Калабрию.

28 июля Гарибальди отправился к мессинскому маяку, чтобы распорядиться приготовлениями к переправе на материк. Отправляясь 5 мая во главе “тысячи” в Сицилию, Гарибальди имел в виду снарядить еще другую экспедицию, в Папскую область. Таким образом он думал сразу покончить с владениями папы и короля обеих Сицилии. Но как ни практичен казался этот план его автору, он, однако, не совпадал с видами будущего короля Италии и окружавших его политиков. Думая остановить победное шествие народного героя, Виктор Эммануил отправил к нему письмо, в котором в дружеских выражениях советовал ему отказаться от высадки на континент. Письмо короля заканчивалось знаменательными словами: “Следуйте моему совету, генерал, вы увидите, как он полезен для Италии, которой вы дадите возможность еще более подняться во мнении Европы, показав, что, умея побеждать, она умеет благоразумно пользоваться плодами своих побед”. Такого же мнения был и Кавур. Под давлением французского императора, настоятельно требовавшего от правительств Пьемонта, Неаполя и Англии, чтобы положен был предел успехам Гарибальди и приняты меры против распространения восстания на материке, он решил помешать готовившейся экспедиции в Папскую область.

Глубоко огорченный недоброжелательным отношением к нему со стороны правительства, Гарибальди, однако, не склонился под гнетом неблагоприятных условий и твердо решил, вопреки всем препятствиям, собственными усилиями достигнуть намеченной цели. На письмо Виктора Эммануила он отвечал, что на этот раз, к сожалению, должен оказать ему неповиновение: “Народ зовет меня, – писал он, – и я нарушу свой долг, если не откликнусь на его призыв”.

Глава VI. Гарибальди в Неаполе

План высадки. – Фаро. – Гарибальдийское войско, его внешний вид, вооружение и внутренняя организация. – Взятие Реджо. – Поход на Неаполь. – Письмо Франциска II. – Борьба партий в Неаполе. – Отъезд короля в Капую. – Въезд Гарибальди в Неаполь. – Народные овации. – Первые распоряжения диктатора. – Мадзини. – Падре Гавацци. – Празднество в Санта-Фе. – Сражение при Волтурно. – Появление пьемонтских войск в Абруццах. – Несправедливые обвинения. – Свидание в Теано. – Капитуляция Капуи. – Плебисцит. – Въезд короля в Неаполь. – Принятие власти Виктором Эммануилом. – Отъезд Гарибальди. – Прощание с волонтерами. – Прокламация

Каждое утро, вставая, по своему обыкновению, на заре, Гарибальди отправлялся на Фаро (мессинский маяк). Здесь, взобравшись на башню маяка, он обдумывал подробности переправы на материк. Гарибальди любил эти утренние прогулки, они давали ему несколько часов покоя и уединения. Всякий раз, когда у него назревал план какого-нибудь важного предприятия, он выбирал для своих прогулок где-нибудь по соседству возвышенное место с широким горизонтом и живописным видом и здесь, в тиши уединения, обдумывал подробности предстоящего дела. Но поездки на Фаро имели для Гарибальди еще и другое значение: в его присутствии быстрее подвигались подготовительные работы, имевшие целью облегчить переправу на материк.

Почти каждый день сюда приставали суда с войсками и военным снаряжением. Оригинальную и пеструю картину представляли эти войска благодаря живописному разнообразию своих костюмов. Из-за поспешности, с которой производилось их обмундирование, не мог быть принят никакой общий образец. По большей части в этом вопросе предоставлен был полный простор личной фантазии непосредственного начальника. Здесь смешивались красные, белые, синие кепи, круглые шляпы a la Гарибальди; серые и красные, фланелевые, бумажные и полотняные блузы. Костюм самого Гарибальди состоял из красной рубашки, голубовато-серых брюк, небрежно повязанного шейного платка, венгерской шапочки и белого пончо. В вооружении войска замечалась та же пестрота, что и в обмундировке. По образчикам различных эпох и различных систем можно было проследить всю историю огнестрельного дела, начиная от ружей с кремневым замком, переделанным в

ударный, и кончая энфильдскими швейцарскими винтовками.

Не меньшей оригинальностью отличалась и внутренняя организация войска. Здесь не было полных и правильных списков и перекличек, присягу Гарибальди решительно отвергал; внешние меры для поддержания порядка и дисциплины вполне отсутствовали. Еще свободнее были офицеры: каждый находился где хотел, и некоторые роты в самые решительные и трудные минуты не знали, где их предводители, и не заботились об этом. Состав войска был самый разнообразный: адвокаты, медики, студенты, купцы, ремесленники оставили свои занятия и взялись за оружие. Так называемые “ученые должности”, то есть должности горнистов, барабанщиков, трубачей и фурьеров были почти все заняты старыми пьемонтскими солдатами, отслужившими свой срок или дезертировавшими из рядов регулярной армии. Но вообще старых солдат было мало, в роте едва можно было найти до двадцати человек с усами и бородой; остальные были юноши часто не старше четырнадцати лет, а многие казались на вид двенадцатилетними детьми. И эти-то более всего отличались в минуты опасности. Герои 1848 года и других войн за независимость занимали старшие офицерские должности. Некоторые из них, отклоняя всякие почести, поступали рядовыми в генуэзские карабинеры. Войско это, составленное из отборных людей, большею частью из первой тысячи, пользовалось особым благорасположением Гарибальди за те подвиги отчаянной храбрости и самопожертвования, которыми оно не раз отличалось. Как и все партизаны, Гарибальди был беден кавалерией: главную силу волонтеров составляли штыки.

Вся эта разношерстная, недисциплинированная толпа сдерживалась единственно нравственным обаянием вождя и тем энтузиазмом, который он так умел поддерживать среди своих соратников. Стойко и терпеливо переносили они всевозможные лишения; они не роптали, когда при недостатке денежных средств наполовину сокращалось следуемое им жалованье; их патриотизм не останавливался ни перед какой жертвою. Понятно, что при таких условиях не было надобности в дисциплинарных взысканиях. Единственное наказание, допускаемое Гарибальди, – расстрел немедленный и беспощадный – применялось крайне редко. Военных советов не существовало, но каждый, имевший что-нибудь сообщить, заметить или известить о чем-нибудь, мог во всякое время явиться к самому генералу. Все решения исходили от него, и, по большей части, ему одному принадлежала инициатива всякого нового предприятия. Обдумав новый план, Гарибальди не знал колебании. Когда наступало время приступить к делу, он будто просыпался от сна; приказ

следовал за приказом, и они давались с твердостью, которая показывала, что решение неотменимо. Но приказ всегда заключал в себе лишь общую идею; подробности предоставлялись исполнителю.

В битве Гарибальди являлся не столько главнокомандующим, сколько главным помощником в затруднениях. Всегда появляясь в наиболее опасном пункте, он примером своим воодушевлял людей и быстро поправлял дело.

Обыкновенно ласковый и приветливый в отношениях с товарищами, герой не знал пределов своему гневу, когда замечал в ком-нибудь из них недостаток преданности делу, желание уклониться от опасности. Тогда из его уст вырывалось знаменитое “Andate!”[3], которое могли выносить только горячо любившие его подчиненные. Это “Andate!” заставило однажды посланника Виктора Эммануила, явившегося с неприятным генералу поручением, пятиться назад через всю залу до выходной двери, за которой он исчез, благословляя судьбу, что счастливо отделался. Но достаточно было, чтобы Гарибальди заметил, что обвинение его несправедливо, и тогда не было дружеских слов, не было извинений, которые он не пустил бы в ход, чтобы вознаградить обиженного. Насколько он был ласков и приветлив, видно уже из приема, который оказывали ему крестьянские дети во время его утренних прогулок на Фаро.

На соседних озерах в несколько дней было построено двадцать барж для перевозки лошадей и артиллерии; на мысе были устроены батареи. Все приготовления делались на виду у неаполитанских военных кораблей, крейсировавших на таком близком расстоянии, что с них можно было в подробности разглядеть все, что происходило в Фаро.

Наконец в ночь с 17 на 18 августа Гарибальди переправился на калабрийский берег и немедленно по горам направился к Реджо. Взятие города было немыслимо для кого угодно, но не для Гарибальди. Несмотря на инертность населения, напуганного близким соседством неаполитанских судов, 22 августа после девятичасового боя на крепости был выброшен парламентский флаг, и город сдался. После своей высадки Гарибальди явился в Неаполь ровно через столько дней, сколько нужно употребить для этого пути армии, идущей форсированным маршем. Все время похода он преследовал неаполитанские войска, посланные, чтобы преградить ему путь в столицу. Несмотря на свое численное превосходство, последние уступали пункт за пунктом, так что поход Гарибальди в Неаполь имел вид триумфального шествия.

Вскоре Гарибальди получил от Франциска II письмо, в котором король предлагал ему мир на почетных условиях.

Франциск соглашался признать независимость Сицилии и уступал диктатору все свои владения по ту сторону пролива, причем обещал уплатить 12 миллионов контрибуции и предоставлял свой флот и пятьдесят тысяч солдат для войны с Австрией и для помощи в освобождении всей итальянской территории. На это письмо Гарибальди не ответил ни слова.

В столице обеих Сицилии не было единодушия, там образовались четыре враждебные между собою партии: Гарибальди, Кавура, мюратистов и бурбонская. Колебания в политике короля, постоянная смена либеральных начинаний доведенными до крайности репрессиями создали массу недовольных. Относительный порядок удерживался лишь благодаря популярности полицейского префекта Либорио-Романо. Последний убеждал короля уступить общему настроению и отказаться от престола. Франциск, решивший было защищать свою корону до последней крайности и идти навстречу Гарибальди, оставил теперь столицу и заперся в Капуе.

7 сентября Либорио-Романо получил от Гарибальди телеграмму, в которой генерал извещал его о своем намерении вступить в Неаполь. На эту телеграмму Либорио-Романо отвечал, что Неаполь с нетерпением ждет приезда героя, чтобы встретить в нем искупителя Италии и предать в его руки судьбу государства. В тот же день, в 10 часов утра, в сопровождении семи из своих офицеров, депутации, присланной к нему из Неаполя, и нескольких офицеров национальной гвардии, Гарибальди сел на поезд в Салерно. К 11 часам он прибыл на неаполитанский вокзал, где был встречен министрами, которые поднесли ему приветственный адрес от имени жителей города. Поблагодарив министров “за спасение страны”, Гарибальди один, без конвоя, невооруженный, вступил в столицу обеих Сицилии, не смущаясь тем, что форты еще заняты неприятельскими солдатами, что артиллеристы в амбразурах крепости и на площадях с фитилями в руках стоят на своих постах возле орудий, что улицы запружены грозными отрядами королевских войск. Когда экипаж поравнялся с батареей между зданием арсенала и дворцовой площадью, солдаты, находившиеся при ней, приготовились было встретить его залпом из своих орудий, но Гарибальди поднялся в экипаже и в величавом спокойствии, скрестив руки на груди, обратился к ним с одною из своих неотразимых улыбок. Точно очарованные действием обаятельной личности героя, солдаты немедленно, как бы по команде, отдали ему честь. С этой минуты единство Италии стало совершившимся фактом.

Первые минуты появления в городе Гарибальди, встреченного на вокзале многочисленной толпой из людей всех общественных

классов, прошли относительно бесшумно; но как только экипажи въехали на дворцовую площадь и поравнялись с дворцом Форестьера, в котором должен был остановиться диктатор, весь город сразу охватило общее ликование. В течение десяти часов народ стоял под окнами дворца, заставляя героя то и дело выходить на балкон. Когда же появился Фра-Панталео и сказал, что генерал устал и лег спать, шум и крики на улице сменились мертвой тишиной. Толпа на цыпочках разошлась по городу, останавливая крикунов даже в дальних кварталах тихим шепотом: “Спит, он спит!”

Тотчас же по выслушиванию адресов в королевстве был обнародован сардинский статут; в заголовке всех административных актов приказано было писать слова: “Виктор Эммануил, король Италии”. Все чиновники, не последовавшие за Франциском II, сохранили свои должности. Всем политическим арестантам была объявлена свобода; тюремные порядки подверглись реформированию. Некоторым семьям, особенно пострадавшим от преследования бурбонского правительства, назначены пенсии. Форт Сент-Эльмо, грозивший городу бомбардировкой, был разрушен. Земли, принадлежавшие бурбонскому дому, объявлены национальной собственностью. Все иезуитские корпорации изгонялись из королевства.

Население столицы выражало свой энтузиазм шумными празднествами, иллюминациями, фейерверками и уличными концертами. Каждое утро громадная толпа собиралась вокруг эстрады, с которой развивал перед публикой свои политические теории близко стоявший к Гарибальди падре Гавацци, уже в 1848 году в стенах Колизея произносивший огненные речи в пользу восстания в Риме. Маленький, черноволосый, с лицом, желтым, как померанец, с горящими глазами, в красной гарибальдийской рубашке под распахнутой сутаной, с пистолетами за поясом, он своим грубым, но в высшей степени эффектным и убедительным красноречием производил чарующее действие на толпу. Молодежь всех общественных классов наперебой записывалась в ряды освободителей. Франциск II стянул свои силы у берега Волтурно. Гарибальди основал свою главную квартиру в Казерте; в войске его насчитывалось 15 тыс. человек. Каждый день происходили небольшие стычки на аванпостах. Неаполитанцы готовились к атаке, которая началась в ночь на первое октября. Войско Франциска II было разделено на четыре колонны, из которых одною предводительствовал сам король. Сражение продолжалось от четырех часов утра до шести вечера. К этому времени гарибальдийцы окончательно разбили последнюю неприятельскую колонну, которая вынуждена была быстро

отступить к Кояццо. Гарибальди с полным правом мог гордиться своей победой. Он немедленно телеграфировал в Неаполь: “Мы победили на всей линии”. В битве при Волтурно неаполитанцы потеряли четыре тысячи человек; кроме того, на другой день сдался не участвовавший в битве четырехтысячный отряд.

Теперь предстояла осада Капуи; в гарибальдийском лагере начались приготовления. Но в Турине было решено иначе. При громадных ресурсах, доставляемых королевством обеих Сицилии, при обаянии, которое окружало героя Милаццо, Мессины, Реджо и Волтурно, завершение задачи Гарибальди представлялось шуточным делом. За Неаполем должен был последовать Рим – Гарибальди открыто заявлял об этом; за Римом – Венеция. Этого-то и боялись в Турине. Кавур страшился той ответственности перед Европой, которая всей тяжестью легла бы на Пьемонт, если бы дело восстания завершилось борьбой с Австрией на севере полуострова. При таком положении вещей пьемонтское министерство решило поставить Гарибальди непреодолимую преграду к дальнейшим действиям. В то время, как диктатор собирался уже отрезать королю Франциску путь в Гаэту, пьемонтские войска вступили в Абруццы. Узнав об этом, Гарибальди не мог в первую минуту победить своего негодования и приготовил депешу, в которой приказывал встретить пьемонтцев ружейным залпом. Но с ними был Виктор Эммануил, предмет благоговейного культа для Гарибальди, – и депеша не была послана. 11 октября Гарибальди встретился с Виктором Эммануилом в Теано. 30 октября началась бомбардировка Капуи; 1 ноября Франциск II удалился в Гаэту; 2 Капуя капитулировала. Первою вошла в нее бригада волонтеров, за ней пьемонтская бригада. На этом кончилась кампания так называемой *южной армии.* В осаде Гаэты она не принимала никакого участия.

Между тем, 15 октября Гарибальди, предупредив решение плебисцита, послал королю копию с только что обнародованного им декрета.

“Обе Сицилии, – значилось в декрете, – обязанные своим выкупом крови, пролитой итальянцами, и свободно решившие назначить меня диктатором, отныне будут находиться, как составная часть единой и нераздельной Италии, под скипетром Виктора Эммануила и его потомков. Как только прибудет король, я передам ему диктатуру, предоставленную мне нацией.

Выполнение декрета этого поручается продиктаторам”.

Виктор Эммануил долго медлил со своим въездом в Неаполь. Если были причины, заставлявшие его спешить, то были и другие, вынуждавшие его медлить. Надобно было оправдать плебисцитом появление новой власти взамен прежней, надобно было, чтобы

вступающая в город регулярная армия предварительно отличилась каким-нибудь подвигом, обеспечивающим ей сочувствие населения. С этой целью честь взятия Капуи была предоставлена пьемонтской армии. После сдачи города Виктор Эммануил мог совершить свой триумфальный въезд в столицу.

21 октября Гарибальди созвал граждан для плебисцита. Большинством в 1750 тысяч голосов против 11 тысяч Виктор Эммануил был провозглашен королем Неаполя. 6 ноября король въехал в город в экипаже рядом с диктатором. Сначала было решено, что армия волонтеров выстроится шпалерами по обе стороны пути; но по распоряжению свыше это решение было отменено, и ни одна красная блуза не бросилась в глаза королю в продолжение всей дороги.

8 ноября в тронной зале происходило торжество принятия власти Виктором Эммануилом. Король был окружен блестящим штабом. Гарибальди во главе своего правительства поднес ему плебисцит – выражение воли неаполитанского народа. С этого момента оканчивалось диктаторство Гарибальди; он сходил в разряд простых, обыкновенных подданных Виктора Эммануила; он уходил со сцены.

Гарибальди думали заплатить за его заслуги обыкновенными наградами. Ему предлагали звание маршала, один из королевских дворцов для постоянного жительства, богатое поместье из государственных земель. На все эти предложения он отвечал решительным отказом. Такой категорический отказ был вызван не простым бескорыстием, которым в высокой степени отличался герой, но другими соображениями, так сказать, высшего порядка. Приняв награду из рук короля, Гарибальди мог связать себя долгом благодарности и утратить свою независимость, равно дорогую для него и для Италии; кроме того, в глубине души он считал себя не вправе принять вознаграждение за свою услугу родине.

Рано утром на следующий день, когда большая часть жителей столицы еще покоилась мирным сном, Гарибальди в сопровождении небольшого числа своих друзей сел на пароход “Вашингтон” и удалился на Капреру. Герой, завоевавший полцарства своему народу, вернулся домой с мешком бобов под мышкой.

Прощаясь со своими волонтерами, он издал прокламацию, из которой мы приведем здесь лишь несколько заключительных строк:

“Молодые волонтеры, примите, как последнее заключение десяти битв, прощальное от меня слово. Я произношу это слово с сильным чувством и из глубины моей души. Сегодня я должен

удалиться, но только на несколько дней. В день битвы я снова буду с вами, рядом с воинами за итальянскую свободу... Мы вскоре сойдемся и пойдем вместе освобождать наших братьев, находящихся еще под чужеземным владычеством. Мы вскоре сойдемся и пойдем вместе к новым торжествам”.

Глава VII. 1861 – 1866 годы

Комиссия по вопросу об армии волонтеров. – Заседание первого итальянского парламента. – Примирение Гарибальди с Кавуром. – Смерть последнего. – Аспромонте. – Гарибальди в плену. – Возвращение на Капреру. – Поездка в Англию

Деятельность нового правительства выразилась прежде всего в старании предупредить всякую возможность реакции и подавить в корне деятельность крайних партий. С этой целью оно немедленно обратило внимание на армию волонтеров, услуги которой казались ему теперь ненужными. Правительство не могло считать себя гарантированным от всевозможных неожиданностей, пока существовала эта сила, вызванная Гарибальди и способная создать серьезные затруднения для дальнейшей деятельности туринского кабинета. Решено было распустить ее. Всем ее офицерам и солдатам было предоставлено право вернуться домой.

Служба в армии Гарибальди не освобождала от установленной обыкновенной воинской повинности. Затем возник вопрос, должно ли правительство признать чины, розданные Гарибальди. Признательность по отношению к бывшему диктатору и его товарищам, завоевавшим королю многие миллионы новых подданных, требовала утверждения этих чинов. Но в армии Гарибальди было чрезвычайно много полковников и генералов, заслуги которых казались пьемонтцам сомнительными, тем более, что они не обладали специальным военным образованием. Ввиду этих соображений назначена была особая комиссия для решения вопросов о чинах. Такой контроль над действиями Гарибальди не мог не оскорбить его; кроме того, он счел себя обиженным в лице своих волонтеров и воспользовался открытием первого итальянского парламента как первым удобным случаем, чтобы публично высказать правительству свое глубокое негодование.

Сильно волновалось итальянское общество перед выборами в парламент. Было много причин для правительственной партии ожидать падения министерства. Вынужденное удаление Гарибальди на остров Капреру, лишение его диктатуры и замена его в Неаполе и Сицилии людьми, которых ненавидел бывший диктатор и которые благодаря этому стали ненавистны народу, – все эти и многие другие оскорбления, нанесенные туринским кабинетом народному кумиру, возбудили общее негодование в рядах его приверженцев. Но состоявшиеся выборы рассеяли опасения министерства. Правительство получило большинство,

превзошедшее все ожидания. Гарибальди был выбран представителем от Неаполя; точно так же вошли в состав парламента его лучшие товарищи, которым нация таким образом пожелала выразить свою признательность и уважение.

Значительная доля участия в этом результате парламентских выборов, без сомнения, принадлежала Гарибальди. Обаяние, производимое в стране одним его именем, было так могущественно, что, если бы он захотел, забыв благоразумие и патриотизм, сделать парламент ареною для своей борьбы с Кавуром и резко поставить вопрос между собой и министром, то вызвал бы серьезные затруднения, с которыми неизвестно как справилась бы Италия. Чувства нации были бы, несомненно, на стороне капрерского отшельника. Но Гарибальди больше всего любил Италию и выше всего ставил ее благо, а потому уклонился от борьбы с министерством на избирательном поприще.

13 февраля последовала, наконец, сдача Гаэты. Убедившись, что всякое сопротивление бесполезно, Франциск II подписал капитуляцию и удалился в Рим, где папа предложил ему гостеприимство. Ровно через месяц сдалась и Мессинская цитадель, до сих пор находившаяся еще во власти бурбонских солдат.

В марте состоялось открытие первого итальянского парламента. Для полного единства Италии недоставало еще присоединения двух областей: Венеция была в руках австрийцев, Рим был занят французскими войсками. О Венеции теперь и думать было нечего: присоединение ее могло состояться только путем войны.

Другое дело Рим; вопрос о нем был теперь предметом общего внимания и сделался главной темою парламентских дебатов. На римском вопросе столкнулись между собою самые противоположные и могущественные интересы, интересы всего католического мира, всех католических держав, вместе взятых и каждой из них в отдельности, интересы Франции, Австрии, Испании, Италии, интересы папы и всего духовенства, интересы Наполеона, Виктора Эммануила, Кавура, Гарибальди, интересы подданных папы и жителей города. Кавур в своей речи категорически высказался в пользу Рима – столицы Италии. Мысль, что без Рима не может устроиться Италия, красною нитью проходила через всю речь министра. Но вместе с тем он решительно отказывался занять “вечный город” вопреки желанию Франции и выражал надежду, что в этом вопросе она со временем уступит общественному мнению. Что же касается папы, он признавал, что только потеря им светской власти и отделение церкви от государства способны создать для папского престола

желательную для него свободу. Таким образом, желания министра в принципе совпадали с желаниями народного героя. Цель у них была общая, и расходились они только во взгляде на средства к ее достижению. В то время как Гарибальди, всегда склонный всецело отдаваться чувству, не хотел признать на своем пути никаких преград, Кавур, напротив, все средства своего громадного ума тратил на постепенную и терпеливую работу, устраняя дипломатическим путем те самые препятствия, которые в пылу своего увлечения думал силою сломить Гарибальди.

Расположение духа, в котором находился Гарибальди, глубоко обиженный в лице своих волонтеров, выразилось в ответе его депутации от миланских рабочих.

“С нами поступили дурно, – говорил он, – хотели создать настоящий дуализм между регулярной армией и волонтерами, которые, однако же, как вы знаете, сражались храбро... Но не будем говорить об этом, не станем заниматься этим... к этому сору не следует прикасаться из уважения к самому себе”.

В этой речи он не пожалел резких выражений, чтобы унизить своих противников: министров Виктора Эммануила он называл “лакеями”, их политику – чудовищной, антинациональной, вассальной; говорил, что король “дышит дурным воздухом”. В таком настроении оставил он в начале апреля Капреру и прибыл в Турин. Здесь ревматические боли продержали его несколько дней в постели, и потому он мог явиться в парламент только 18 апреля. День этот начался страшною грозой, которая могла навлечь на Италию бедственные последствия; но в самую решительную минуту Кавур и Гарибальди протянули друг другу руку примирения. Гроза миновала благодаря благоразумию, великодушию и благородству характера с обеих сторон.

За несколько часов до открытия заседания сени, лестницы и коридоры здания были переполнены публикой; на площади перед парламентом и на соседних улицах было необычайное стечение народа. Гарибальдийцы в своих красных рубашках заняли верхние галереи, набитые ими битком. В два часа пополудни, когда все члены заседания заняли свои места и один из секретарей читал отчет предыдущего заседания, раздались громкие крики, возвестившие о прибытии Гарибальди. Генерал вошел в шотландском пледе поверх красной рубашки, опираясь на руку своего друга Макки. Три или четыре минуты продолжались восторженные рукоплескания, прервавшие ход заседания. На лице Гарибальди не было видно следов болезни, которую он недавно перенес; он только заметно постарел; в длинных волосах его прибавилось много седин. Выражение лица было по обыкновению тихое, кроткое, в высшей степени

достойное. Народного героя сопровождали друзья его, генералы армии волонтеров. Он занял то же место, что и в прошлом году, на крайней левой. За несколько дней перед тем Гарибальди представил президенту Ратацци проект закона, постановляющего сформирование в стране национальной гвардии, и теперь явился защищать его.

Прения начались речью Риказоли, бывшего правителя Тосканы, требовавшего, чтобы парламент выслушал жалобы волонтеров, судьбу которых, по его мнению, следовало отнести к вопросам первостепенной важности народа. Затем последовало объяснение по этому вопросу министра Фанти, покрытое рукоплесканиями толпы. После нескольких слов, сказанных членами его партии, и ответа на них Фанти, поднялся Гарибальди. Начав сдержанно и умеренно, народный герой постепенно отдался страсти и негодованию. В резких выражениях, не щадя своих противников, отрицал он всякий дуализм между армией короля и волонтерами, доказывал отсутствие в Неаполе анархии, послужившей якобы причиною отнятия у него диктаторской власти, упомянув о той не зажившей еще ране, которую нанес ему министр отчуждением Савойи и Ниццы; напомнил ему, что уступал всякий раз, когда видел, что Италии грозит опасность от их взаимных распрей. “Но, – говорил он, – пусть решит палата и сам Кавур: могу ли я пожать руку тому, кто сделал меня чужеземцем в Италии?” В течение речи Гарибальди президенту несколько раз приходилось призывать его к порядку, прося не оскорблять противников. Несколько раз прерывалась эта речь и негодующими восклицаниями Кавура, которому бросались в лицо несправедливые, незаслуженные обвинения. Шум и волнение возрастали. Президенту пришлось на время прервать заседание. Этим перерывом воспользовались друзья Гарибальди и уговорили его быть сдержаннее и умереннее. Когда возобновилось заседание, волнение Гарибальди улеглось, и он спокойно – в выражениях вполне парламентских – изложил свой взгляд на меры правительства относительно армии волонтеров. “Я явился сюда, – заключил он свою речь, – чтобы защитить мое предложение. Исправьте его, измените, если найдете нужным, но займитесь им: этого требует безопасность страны”.

Умеренная речь Гарибальди произвела благоприятное впечатление; им воспользовался друг его, генерал Биксио, чтобы призвать к примирению раздраженных вождей и их партии. В теплых, задушевных выражениях представил он несогласие, разделившее Кавура и Гарибальди, как результат печального недоразумения, которому пора положить предел. “Я приглашаю графа Кавура, – говорил он, – забыть слова, сказанные генералом

Гарибальди". Во время ответной речи Кавура, когда последний прямо и откровенно назвал причины чисто политического характера, поставившие его в невозможность иначе поступить с армией волонтеров, на стороне которой были все его симпатии, Гарибальди несколько раз порывался подойти к министру и пожать его руку, но всякий раз был останавливаем мадзинистом Цуппети, сидевшим возле него. Впечатлительный до крайности Гарибальди легко поддавался влиянию близко стоявших к нему людей, и иной раз одному из злых гениев, в которых при нем не было недостатка, удавалось заставить его служить интересам партии в ущерб благу Италии, что и произошло в данном случае. После некоторых прений президент прочел два предложения, Гарибальди и Риказоли – по мысли согласное с первым, но менее требовательное и с выражением полного доверия правительству. Выслушав это предложение, Гарибальди взял свое назад.

Многочисленная толпа ожидала у входа конца прений. Когда вышел Кавур, народ приветствовал его рукоплесканиями; но более сильные рукоплескания, более громкие возгласы достались на долю Гарибальди. Шумные манифестации сопровождали его до дома, где он остановился, и долго продолжались перед домом. Народные симпатии явно были на стороне освободителя.

24 апреля вечером король пригласил к себе Гарибальди. В королевском кабинете, кроме Виктора Эммануила, был Кавур. После продолжительной беседы между ними последовало окончательное примирение. Несколько дней спустя Гарибальди вернулся на Капреру.

6 июня страшная весть разнеслась по Европе и громовым ударом поразила всех: смерть отняла у Италии человека, которым жило и держалось столь многое, о котором сложилась народная поговорка, что "на свете не шевельнется ни один листок, если Кавур не захочет". Уже в течение нескольких дней телеграф сообщал тревожные известия о здоровье графа, но все разделяли надежды лечивших его докторов, никто не хотел верить, что так неожиданно сойдет со сцены государственный деятель, жизнь которого была так дорога, так нужна не только Италии, но и всей Европе. Но как ни много потеряла страна со смертью Кавура, однако дело не умерло вместе с ним. Преемник и ученик его Риказоли твердо держался политики покойного министра и взял на себя задачу осуществить тот план, который выразился в последних словах умирающего: "Свободная церковь в свободном государстве". Обстоятельства благоприятствовали новому министру.

Предсказания Кавура сбывались, Франция начинала уступать общественному мнению. В самой среде духовенства образовался

раскол, появились партии. Уже в числе волонтеров Гарибальди насчитывалось немало духовных лиц, но то были отдельные случаи. Гораздо большее значение по количеству адептов имела образовавшаяся тогда среди духовенства ассоциация с целью распространения в народе здравых понятий о правах папской власти. Ассоциация пропагандировала уничтожение светской власти папы, “так как оно не только не повредит делу религии, но необходимо поведет к очищению церкви от вредных наростов”. Все, видимо, клонилось к желательному разрешению римского вопроса. Теперь это было только делом времени, и туринское правительство продолжало держаться своей выжидательной политики.

Гарибальди, слишком страстно относившийся к задаче, на которой сосредоточены были все его помыслы, потерял терпение и решил предпринять новую экспедицию в Сицилию с тем, чтобы оттуда направиться в Рим. Виктор Эммануил, уведомленный об этом плане, сначала отказал ему в разрешении. Но когда генерал заявил ему, что намерен эту экспедицию устроить как частное лицо на свой страх и риск и готов в случае неудачи подвергнуться участи обыкновенного бунтовщика, король уступил. Высадившись в Палермо 1 июля 1862 года, Гарибальди обидными речами против союзника короля, Наполеона III, стал возбуждать население к новому восстанию. Военным лозунгом на этот раз было: “Рим или смерть!” Соединив под своими знаменами 3500 человек волонтеров, он прошел целый ряд городов и достиг Катании. 24 июля Гарибальди посадил свою армию на два парохода и высадился в Калабрии. В это время Виктор Эммануил под двойным давлением – с одной стороны, императора, с другой – партии клерикалов, решил во что бы то ни стало преградить армии Гарибальди дорогу в Рим. В Калабрию был послан отряд кондотьеров под начальством маркиза Палавичини с приказанием окружить волонтеров со всех сторон. Две армии сошлись у подножия Аспромонте. Неприятель начал перестрелку, но Гарибальди сделал распоряжение не стрелять. В то время как он выехал впереди фронта, отдавая это приказание, с неприятельской стороны по приказу маркиза дан был по нему залп. Гарибальди сделал несколько шагов и упал, у него оказалось две раны: одна в левое бедро, другая в щиколотку правой ноги. Волонтеры сдались; предводитель их в качестве военнопленного перевезен был в крепость Вариньяно. Хотя пленному оказывали внимание, подобное тому, каким окружают особ царской крови, в народе, однако, упорно держался слух, что его кумира решено отравить. К нему не допускали никого из друзей, приезжавших посетить его; все присылаемые ему письма

подвергались предварительной цензуре. Тем не менее, несмотря на эти строгости, друзья Гарибальди, напуганные слухами об отраве, находили средства снабжать его пищей, приготовленной под их собственным надзором. В своем заключении Гарибальди сильно страдал от раны в правой ноге; это была наиболее серьезная рана из всех полученных им до сих пор. Долго не могли вынуть пули и поговаривали уже об ампутации ноги. Против такого решения горячо восстал наш знаменитый Пирогов, к которому больной сохранил за это глубокую благодарность. После продолжительных совещаний пуля была искусно вынута профессором Цаннотти. Хотя Гарибальди и избежал ампутации, но астромонтская рана имела самые роковые последствия в его жизни; он навсегда утратил способность свободно двигаться и стал инвалидом, вечно нуждавшимся в посторонней помощи.

Гарибальди ранен под Аспромонте

Как только больной оправился, насколько было возможно, ему возвратили свободу. Он вернулся домой на Капреру и более года провел здесь в тихом уединении, деля свое время между работами по хозяйству, чтением газет и литературными занятиями, которым вождь волонтеров охотно отдавал свои свободные часы.

Здесь уместно будет сказать несколько слов о Гарибальди как литераторе. Пожиная все новые и новые лавры в качестве полководца, генерал не менее дорожил и теми, которые надеялся заслужить, работая пером. Кроме своих мемуаров, он написал несколько полуроманов и большое количество стихов, не выдерживающих как литературные произведения ни малейшей критики. Они могут быть интересны только как лишний материал

для уяснения нравственной личности автора, но, к сожалению, за исключением мемуаров, не дают нам о нем никаких биографических сведений. Вот почему каждый раз при выходе в свет одного из таких произведений публика, искавшая в них только новых фактов из столь богатой содержанием жизни героя, испытывала сильнейшее разочарование. Люди, близкие к Гарибальди и дружески к нему расположенные, не раз давали ему искренний совет не публиковать своих сочинений, но по какому-то непонятному ослеплению он никогда не хотел слушать этих добрых советов.

В 1864 году, расставшись с идиллической жизнью на Капрере, Гарибальди предпринял свою знаменитую поездку в Англию, вызвавшую такие разнообразные толки и комментарии во всей Европе. Как только стало известно в Лондоне, что итальянский герой едет в Англию, в столице поднялось сильнейшее волнение. Начали собираться митинги, стали обсуждаться проекты тех торжеств, какими намеревались почтить дорогого гостя, составились комитеты для его приема. Толковали о триумфальных арках, торжественных процессиях, адресах и т.д. Среди высшей аристократии нашелся восторженный поклонник Гарибальди, молодой герцог Сотерленд, пославший генералу приглашение остановиться в его доме. Таким образом, Гарибальди, принявший это приглашение, должен был сделаться гостем английской аристократии в лице одного из блестящих его представителей. Герцог Сотерленд принадлежал к одной из древнейших фамилий, ведущей свой род от завоевания Англии норманнами. Мать его пользовалась необыкновенным авторитетом при дворе, являлась в придворных церемониях рядом с королевой и известна была народу как *герцогиня* без прибавления имени. Сотерленд был страшно богат и любим в аристократическом обществе и, кроме того, чрезвычайно популярен среди народа благодаря своим личным заслугам, безумной смелости и безграничной преданности делу подания помощи ближнему. Этот-то любимец английского общества должен был сделаться гостеприимным хозяином Гарибальди; никто, без сомнения, не мог лучше исполнить эту роль.

4 апреля на пароходе “Рипон” прибыл Гарибальди в Саутхэмптон. С раннего утра весь город находился в каком-то лихорадочном волнении. На пристани собралась большая толпа; репортеры всех английских газет съехались, чтобы описать встречу. На берегу стояло несметное множество народу; много виднелось красных гарибальдийских рубашек, особенно – на женщинах. Когда показался на палубе Гарибальди, громкий восторженный крик огласил воздух, зареяли платки, замахали

шляпами, загремела музыка. Гарибальди приветливо кланялся и махал шляпою. Он был одет в мундир итальянского легиона и в широкий, откинутый назад, серый плащ. С ним были сыновья его, Менотти и Ричиоти, секретарь Негретти и доктор Базиле.

На другой день был назначен прием Гарибальди городскими властями. С девяти часов утра у дома мэра толпилась необозримая масса публики. При появлении Гарибальди поднялись восторженные крики; силою своею они заглушили звуки целого оркестра, шедшего впереди торжественного поезда, направлявшегося в ратушу. Зал ратуши был наполнен народом; только посредине был оставлен узкий проход. Медленно, среди восторженных восклицаний, прошел герой к предназначенному ему месту и, сняв шляпу, раскланялся. Когда утихли первые приветственные крики и рукоплескания, мэр города представил генерала собранию и сказал свою приветственную речь. Гарибальди отвечал по-английски. Он выражался с некоторым затруднением, но вполне понятно.

Из Саутхэмптона Гарибальди сделал поездку на остров Уайт, а через несколько дней отправился по железной дороге на экстренном поезде в Лондон. В Лондоне ему готовился торжественный прием. Огромный дебаркадер был наполнен народом, но все происходило в величайшем порядке. Когда Гарибальди вышел из вагона на особо приготовленную платформу, его встретили восторженные крики. Женские голоса были слышнее всего. Гарибальди приветливо оглянул собрание, и его прекрасные серые глаза засияли удовольствием и гордостью. Когда крики немного стихли, секретарь комитета, образованного для приема Гарибальди, Ричардсон, прочел взволнованным голосом приветственный адрес. По окончании чтения Гарибальди пожал Ричардсону руку и приблизился к краю платформы. Дрожащим от волнения голосом он отвечал по-английски: “Я крайне счастлив, что могу сегодня принести мою благодарность этой благородной нации за ее великодушное сочувствие делу моей страны и всего человечества. Давно ждал я этого дня и очень рад, что могу выразить вам всю мою благодарность”. После этого секретарем комитета рабочих был прочтен второй адрес, написанный в горячих, восторженных выражениях. Генерал был растроган до слез и отвечал: “Мне хочется сказать рабочим в особенности, что я им очень благодарен и никогда не забуду приветствия класса, к которому считаю себя принадлежащим. Я люблю называть моими братьями рабочих всех частей света”. Этот ответ, так же как и предыдущий, вызвал общее одобрение.

Гарибальди и окружавшие его двинулись к выходу; огромные двери дебаркадера открылись настежь, и итальянский герой в

изумлении остановился перед невиданным, беспримерным зрелищем. Перед ним тянулась длинная улица, сплошь покрытая народом; стечение его было так многочисленно, что депутации рабочих цехов и клубов, насчитывающие более пяти тысяч человек, терялись среди этого моря голов. Улица, которая вела к дому герцога Сотерленда, тянулась через весь город, и везде, на всем этом протяжении, толпа имела те же размеры. Между тем порядок царил замечательный. Сами зрители первых рядов, взявшись за руки, образовали цепь, сквозь которую нельзя было пробраться ни одному человеку. Все крыши были усеяны народом; во всех окнах развевались флаги и платки. Медленно подвигался поезд, так медленно, что, отправившись с дебаркадера в 2 часа пополудни, прибыл в Стаффорд-Гоуз, где жил герцог Сотерленд, только в 7 часов вечера. Гарибальди был сильно утомлен.

На другой день начались бесконечные визиты. Вся знать перебывала у Гарибальди. На обедах и вечерах, где он появлялся, толпился цвет английского общества. Все министры наперебой приглашали к себе героя. Он побывал у лорда Палмерстона, графа Рассела, Гладстона, лорда Кларендона, герцога Аргайля и других. Тори не отставали от вигов; граф Дерби, граф Малмсбюри, лорд Шефтсбюри состязались в любезности к нему. Не было такого внимания, такой почести, которыми не осыпали бы эти гордые лорды, графы, герцоги и баронеты великого итальянского плебея. Но среди шумных выражений симпатий и одобрения, среди блеска торжественных приемов Гарибальди не забывал своих старых друзей и находил время повидаться с ними; он побывал у Мадзини, виделся с Саффи, принимал депутации от рабочих и клубов.

Между тем, жители Лондона готовили ему торжественное, официальное выражение сочувствия. Сити собирался поднести ему грамоту на звание почетного гражданина, а различные комитеты устраивали торжественный прием от имени всех лондонских граждан. Для приема был избран Хрустальный дворец, служивший обычным местом для народных торжеств. При появлении Гарибальди в день “народного приема” раздался крик: “Шляпы долой!”

Чрезвычайно торжественный характер носило также вручение грамоты на гражданство Сити. Последнее составляет величайшую честь, какой может дождаться иностранец от англичан. Везде, где ни появлялся Гарибальди, его встречали приветствия громадной толпы. На несколько недель жители Лондона забыли обо всем, кроме своего знаменитого гостя. Провинция не отставала от столицы. Провинциальные города, один за другим, присылали

Гарибальди приглашение посетить их. На все эти приглашения добродушный герой, далеко не любивший оваций, отвечал согласием.

Вскоре, однако, из Лондона была получена телеграмма, извещавшая, что здоровье Гарибальди, сильно потрясенное волнениями, испытанными в Англии, требует немедленного возвращения на Капреру. Стали ходить самые разнообразные слухи о причине его внезапного отъезда. Говорилось, что уезжает он по вежливому приглашению английского правительства, которому не нравится совпадение приезда в Лондон Гарибальди с конференцией по датскому вопросу; говорилось, что это делается по настоянию Франции; наконец, ходили слухи, будто приближенные к генералу заметили, что утомление от непривычной ему жизни очень вредно действует на его здоровье, и стали опасаться, что поездка по всем городам, которые намеревался посетить Гарибальди, окончательно его расстроит. Слухи эти были основательны; друзья, между ними и Гладстон, советовали ему ограничиться поездкою в главнейшие из провинциальных городов, но Гарибальди объявил, что никого не желает обидеть выбором, и потому предпочитает совсем отказаться от поездки в провинцию и уехать домой.

Говорят, что впоследствии Гарибальди объяснил таинственную цель своей поездки в Англию и свой не менее таинственный отъезд из туманного Альбиона следующим образом. Он говорил, что ехал исключительно с намерением предложить английскому правительству свое содействие для помощи датчанам, которые в то время вели борьбу с двумя сильными врагами из-за Шлезвига и Гольштейна. По словам его, ему удалось сделать это предложение; но после того, как правительство объявило свое решительное и безусловное “veto”, он нашел, что ему в Англии делать более нечего. Перед отъездом его частным образом посетил принц Уэлльский, причем их свидание продолжалось более часа. Уезжая, Гарибальди написал прощальное письмо английскому народу, в котором благодарил его за радушный прием, выражал надежду, что вскоре вновь посетит его отечество, и несколькими неопределенными фразами, из которых нельзя было сделать никакого вывода, объяснял свой внезапный отъезд.

Глава VIII. Последние годы жизни

Сентябрьская конвенция. – Перенесение столицы во Флоренцию. – Союз с Пруссией. – Воина 1866 года. – Сближение флорентийского правительства с Ватиканом. – Отношение Гарибальди к новому направлению в политике короля. – Антиклерикальная пропаганда. – Конгресс мира в Женеве. – Вторжение волонтеров в Папскую область. – Арест Гарибальди. – Перемена в отношении правительства к гарибальдийцам. – Бегство Гарибальди на материк. – Восстание в Риме 1867 года. – Ментана. – Гарибальди в Вариньяно. – Франко-прусская война. – Приезд Гарибальди в Тур. – Его участие в войне. – Заседание национального собрания в Бордо. – Занятие Рима итальянскими войсками. – Торжественный въезд Гарибальди в столицу. – Болезнь. – Последние заботы о родине. – Смерть. – Апофеоз. – Гарибальдийская легенда

Не надеясь справиться с римским вопросом без содействия Наполеона III, итальянский кабинет решил вступить с последним в переговоры. В силу этих переговоров заключена была в Париже так называемая *сентябрьская конвенция* (1864), на основании которой Виктор Эммануил обязывался защищать Папскую область от всякого нежелательного вторжения, а Наполеон – выводить свои войска из владений папы по мере того, как последний будет организовывать свою собственную армию. Кроме того, на основании этой же конвенции Италия получала взамен Турина новую столицу – Флоренцию. Предпочтение последнего города Турину вызвало в бывшей столице народное волнение, которое привело к падению министерства Мингетти и замене его генералом Ламармора. В 1865 году резиденция короля Италии и парламент были перенесены во Флоренцию; в том же году начались переговоры Италии с Пруссией, завершившиеся союзом обоих государств против Австрии. В 1866 году война была объявлена как со стороны Италии, так и со стороны Пруссии, причем Гарибальди получил приглашение принять начальство над армией волонтеров и стараться занять Тироль, так как, начав войну, правительство намеревалось не только возвратить Венецию, но и окончательно вытеснить австрийцев из северных провинций. Вначале действия Гарибальди по большей части ограничивались небольшими стычками с неприятелем с сомнительным исходом, но затем он одержал ряд побед и овладел всем итальянским Тиролем в то время, как Чиальдини и Ламармора отступали повсюду. 24 июля произошла

кровопролитная битва у форта Лордаро, окончившаяся полным поражением австрийцев; последние признали невозможным держаться долее в итальянском Тироле. Задача Гарибальди была исполнена блистательно. Но на другой день после этой ужасной битвы Гарибальди получил телеграмму: “Перемирие подписано. Очистите Тироль”. Вне себя от бешенства он переломил пшату и телеграфировал только одно слово: “Повинуюсь”. Кампания кончилась капитуляцией Венеции. Теперь оставался только Рим. Присоединение его уже не представлялось столь трудным, так как действия Наполеона в Риме после окончательного удаления австрийцев из северных провинций не могли быть решительными. Избавившись от опасного соперника, император уже не видел такой настоятельной необходимости поддерживать папский престол. Между тем, флорентийское правительство, всеми силами стараясь присоединить Рим мирным путем, стало искать сближения с клерикальной партией. Глава министерства Риказоли задался целью посредством соглашений и взаимных уступок довести папу до того, чтобы он, сам того не замечая, очутился в один прекрасный день простым епископом слившегося с Италией Рима. Пий IX делал уступку за уступкой и, хотя последние касались большей частью мелочей, мало-помалу неодолимая преграда, существовавшая между папой и итальянским правительством, разрушалась. Ватикан не выказывал и следа прежней вражды; Пий IX признал перед всей Европой возможность вступить в переговоры с отлученным им же королем. Орган Ватикана в первый раз со времени заключения Виллафранкского мира стал называть флорентийский кабинет итальянским правительством, тогда как прежде величал его скопищем похитителей.

Такое сближение с Ватиканом и возможность возникновения в стране клерикальных интриг возбудили сильные опасения среди партии действия. Гарибальди не мог спокойно оставаться в своем тихом убежище и неожиданно появился на континенте. Совершая поездку по Северной Италии, главной целью которой было посещение Венеции, капрерский пустынник всюду гремел против клерикалов. Поселившись затем во Флоренции с намерением участвовать в предстоящих парламентских прениях в качестве депутата, Гарибальди решил заявить торжественный протест против политики уступок и соглашений, столь несовместимой с его девизом: “Рим или смерть!” Когда пало министерство Риказоли и его заменил Ратацци, ярый сторонник союза с Наполеоном, Гарибальди, продолжая жить во Флоренции, занялся тайными приготовлениями к новой экспедиции на Рим.

При слабом надзоре со стороны властей в стране быстро

распространялись комитеты освобождения Рима. С возвращением Гарибальди отряды волонтеров заняли границы Папской области, собираясь произвести новое вторжение. Гарибальди выехал из Флоренции в Азиналунгу с тем, чтобы удобнее следить за ходом восстания, но был арестован по приказу Ратацци и отвезен в крепость Александрию, а оттуда на Капреру. Волонтеры были рассеяны правительственными войсками; те же, которые оказали сопротивление, арестованы. Отправляя вождя волонтеров на его остров, правительство не могло, однако, добиться от него обещания отказаться от новых попыток. Во время своего ареста он выказывал необыкновенное спокойствие и прямо заявлял, что арест “пятидесяти Гарибальди” не остановит начатого дела. Арест Гарибальди не имел, в сущности, серьезного значения; он был произведен более всего в угоду парижскому правительству с тем, чтобы отнять у него всякий предлог обвинить Италию в нарушении сентябрьской конвенции; так поняли его и члены партии действия.

Общее сочувствие к Гарибальди росло. При выезде из крепости Александрии он был встречен с военными почестями. Все путешествие его до Генуи имело вид триумфального шествия. Не прошло и недели после описанных событий, как Гарибальди снова покинул Капреру и явился в Ливорно с целью соединиться со своим сыном Менотти. Но план его не удался; он был снова арестован и отвезен обратно на остров. Для предупреждения новых попыток беспокойного любимца народа правительство снарядило военный корабль с приказом зорко стеречь Гарибальди на Капрере.

Пока владелец острова находился под строгим домашним арестом, флорентийское правительство вело деятельные переговоры с Наполеоном, добиваясь пересмотра сентябрьской конвенции и права занять Папскую область своими войсками. Переговоры оказались безуспешны: Наполеон не уступал. Видя это, правительство, внешне не изменяя своего прежнего положения, изменило свой образ действий по отношению к гарибальдийцам. Надзор за папскими границами ослабел, и волонтеры стали массами пробираться во владения Пия IX; во главе их открыто встали Менотти Гарибальди, Никотера и другие известные представители партии действия. Гарибальди, верный своему девизу “Рим или смерть!”, решился с риском для жизни бежать с Капреры и присоединиться к своим. 14 октября с наступлением ночи он вышел из дому и со всевозможными предосторожностями, чтобы не возбудить внимания своих сторожей, спустился к берегу. Здесь находился крошечный челнок, служивший для охоты за утками. Так как в челноке была

сильная течь, то никому из сторожившихся Гарибальди не приходило в голову, что это негодное судно может оказать ему услугу при бегстве. Челнок был так мал, борта его были так низки, что единственный помещавшийся в нем человек должен был править им лежа. Разложив на дне свой пончо, Гарибальди лег в челнок и тихо поплыл по направлению к острову Мадалена. Ни один окрик с военного корабля не потревожил беглеца. Прибыв на Мадалену, Гарибальди нашел приют в доме одной знакомой ему англичанки, заранее предупрежденной о его прибытии. Не теряя времени, вместе со своим зятем Канцио и несколькими друзьями он на небольшом судне переплыл море и, высадившись близ Ливорно, 20 октября присоединился к своим волонтерам, с которыми немедленно вступил в папские владения и занял местечко Монте Ротондо вблизи “вечного города”, на расстоянии всего семи миль от него. По известиям, поступавшим в то время из его отряда, гарибальдийцы были уверены в успехе. Они ожидали общего восстания в Риме и хотели воспользоваться им для вступления в город. Но счастье, оставившее Гарибальди со времени его неудачи при Аспромонте, изменило ему и на этот раз. Восстание не удалось, отдельные вспышки не охватили всего населения, и инсургенты повсюду встретили неудачу. Между тем, при первом известии о беспорядках в Риме Наполеон внезапно решился на вмешательство и немедленно отдал приказ отправить из Тулона сильный отряд под начальством генерала Фальи в Чивитавеккью. Грозившее столкновение, однако, миновало. Как флорентийское, так и тюльерийское правительства пожелали избежать враждебных действий. Итальянское правительство простерло свою уступчивость до того, что даже склонило Гарибальди отступить от Рима. Начальник волонтеров согласился на это – отчасти уже и потому, что французские войска успели вступить в город и всякая надежда завладеть им для гарибальдийцев исчезла. Волонтеры отступили. Но при Ментано на них *напали* папские войска под начальством Шаретта. Гарибальди отразил папистов и заставил их отступить, но в это время к ним на помощь явилась французская бригада, вооруженная ружьями Шаспо. Последние, в первый раз примененные в этом случае, оказали свое действие. После двухчасового боя гарибальдийцы были разбиты и обратились в бегство. Сам Гарибальди едва успел спастись.

Перейдя итальянскую границу, волонтеры положили оружие и сдались войскам Виктора Эммануила. Гарибальди отправился было на Капреру, но был арестован на небольшой станции в двух часах пути от Флоренции. Напрасно генерал протестовал, против ареста, называл его незаконным действием со стороны властей и

требовал, чтобы ему показали формальный приказ о задержании. Лейтенант Камоцци, получивший приказ арестовать его, не сдавался ни на какие доводы. Когда же Гарибальди наотрез отказался следовать за ним, его *повалили на землю* и на руках отнесли в вагон. Бывший диктатор был отвезен в Специю, а оттуда в крепость Вариньяно. Несмотря на все старания полиции скрыть от жителей Специи приезд Гарибальди, весть эта быстро распространилась по городу. Как только прибыл поезд, привезший народного героя, громадная толпа, несмотря на позднее время, хлынула на вокзал. Многочисленная стража, окружавшая генерала, не могла справиться с ее напором. Мигом были выпряжены лошади из экипажа, предназначенного для Гарибальди, и вместо того, чтобы отправиться в холодные, неуютные стены Вариньяно, он среди громких “evviva!” был привезен в лучшую гостиницу города, где его ожидал роскошный ужин и прекрасная постель. После короткого отдыха, опасаясь дальнейших демонстраций со стороны народа, провожавшие генерала офицеры препроводили его в Вариньяно. Арест Гарибальди вызвал волнения и демонстрацию во всех больших городах Италии; в Милане вспыхнуло серьезное восстание, которое пришлось подавить войсками, причем произошло сильное кровопролитие. Даже Париж откликнулся на это событие; там произошла демонстрация над могилами Манина и Кавеньяка; после многократных требований со стороны правительства разойтись и многочисленных арестов толпа разбрелась с криками: “Да здравствует Гарибальди, да здравствует мир! Не надо вмешательства!”

Гарибальди продержали в крепости до 25 ноября. Получив свободу, он вернулся на Капреру и снова отдался своим мирным сельским занятиям и литературной работе. С этих пор народный герой уже не делал новых попыток к захвату Рима. Он как бы разуверился в возможности осуществить желания своей партии без содействия правительства Виктора Эммануила и к дальнейшим начинаниям патриотов относился скептически, называя их “мадзинистскими мальчишескими выходками”. Получив позволение вернуться на Капреру лишь с условием не покидать острова до марта 1868 года, Гарибальди превзошел всякие ожидания правительства и до 1870 года не являлся на континент. Из мирного уединения вызвали его события франко-прусской войны. Как только разнеслась весть о неудачах французов, Гарибальди со всех сторон стали осаждать предложения воспользоваться затруднительными обстоятельствами, в которых находилась Франция, для осуществления желаний итальянских патриотов. Ему предлагали

вновь овладеть его родиной, Ниццей, и сделать новую попытку занять Рим. Но ни тот, ни другой план не соблазнял теперь Гарибальди. Одна из главных французских армий была разбита при Верте и Гравелотте, другая уничтожена под Седаном, Наполеон взят в плен, династия его пала, в стране провозглашена республика, Париж осажден немцами. Со дня на день можно было ожидать сдачи столицы, молодой республике грозила гибель. Гарибальди решил явиться на помощь Франции. Он написал письмо, в котором предлагал свои услуги правительству национальной обороны, находившемуся в то время в Туре. На письмо его не последовало ответа. Но французский генерал Бор дон, участвовавший в “экспедиции тысячи”, горячий поклонник Гарибальди, обратился к Кремье с просьбою принять услуги итальянского генерала. Уклончивый ответ Кремье, в то время хранителя печати “Национальной обороны”, был понят в смысле благоприятном для предложения Гарибальди. Состарившийся и больной генерал немедленно поспешил в Тур. В чистоте своего великодушного сердца он ожидал, что Франция примет его с распростертыми объятиями как освободителя. Встреча со стороны народа была действительно отмечена тем энтузиазмом, к которому так привык Гарибальди; но не таков был прием, ожидавший его в Туре со стороны правительства национальной обороны. Гамбетта, только что совершивший свое знаменитое воздушное путешествие, недоумевая, как ему быть с непрошеным гостем, не желая в то же время ни под каким видом отдать под его начальство кого-либо из французских генералов, предложил ему предводительство двумя-тремя сотнями волонтеров, которых не знали куда девать. Когда же обиженный генерал заявил о своем намерении немедленно оставить Францию, ему предоставили начальство над всеми волонтерами вогезской армии. Страдая от старых ран, лишавших его возможности двигаться иначе, как в портшезе, давая таким образом распоряжения во время битв, во главе нескольких тысяч плохо вооруженных волонтеров, имея такого сильного противника, как пруссаки, Гарибальди более чем когда-либо обнаружил теперь свой замечательный талант полководца. Он успешно сражался при Отене, Шатильоне, Боне, разбил наголову при Дижоне 61-й прусский полк и взял город. Но победы его, столь блестяще доказавшие еще раз его стратегические способности, носили характер частных удач, не имевших последствий, благодаря неумелости начальника вогезской армии, генерала Бурбаки. Впоследствии, когда враги Гарибальди старались своими инсинуациями затмить славу героя, Виктор Гюго бросил в лицо клеветникам следующие слова: “Гарибальди единственный из

наших генералов, который не был побит”. Французская нация выразила итальянскому герою свою благодарность, выбрав его представителем от четырех департаментов.

13 февраля происходило заседание национального собрания в Бордо. В начале заседания президент прочел собранию следующее письмо Гарибальди: “Как последний долг перед французской республикой я принес мое голосование, которое и вручаю вам. Я отказываюсь от своего депутатского полномочия”. Отказ этот объяснялся обидой, нанесенною герою при проверке выборов; выбор его был аннулирован как неправильное избрание иностранца, не имевшего гражданства законным порядком.

Едва было окончено чтение письма, как Гарибальди вошел в зал. Все взоры обратились к нему. Его совсем седая борода и мертвенно-бледное лицо придавали ему вид воина, уже приближающегося к могиле. Генерал просил слова, желая объяснить, почему он отказывается от полномочия, данного ему избирателями четырех департаментов. Покрыв голову своей papalma, чем-то вроде шапочки, которую он имел обыкновение носить, Гарибальди появился на трибуне. Его встретил взрыв рукоплескании из лож, занятых публикой, между тем как члены собрания вскочили, дрожа от гнева. В зале поднялся невообразимый шум и крик; со всех сторон стали сыпаться перекрестные бешеные запросы и оскорбления.

На одной из трибун появился молодой человек и, показав кулак правой, крикнул собранию: “Assemblee de ruraux!”[4]. Это был Кремье. Между тем, на улице толпа народа и национальная гвардия с нетерпением ожидали исхода собрания; оттуда слышались виваты Гарибальди. Стоило герою сказать слово, и вооруженная толпа бросилась бы на собрание. Он понял это и, скрытно удалившись через боковую дверь, вернулся в свою гостиницу. На другой день Гарибальди выехал из Бордо. Такова была благодарность республиканского правительства за великодушно протянутую ему руку помощи.

Но на родине доблестного старика ждала великая радость. Через несколько месяцев, 20 сентября, итальянские войска окончательно заняли Рим; Папская область стала провинцией Итальянского королевства, светская власть папы окончательно пала. Великий боец за свободу и объединение родины не умер, не увидав Рима – столицы единой Италии. Избранный депутатом в 1874 году, Гарибальди совершил свой торжественный въезд в итальянскую столицу среди обезумевшего от восторга народа. Толпа взяла приступом станцию железной дороги: среди невероятной давки были выпряжены лошади, и каждый по очереди впрягался, чтобы везти на себе великого патриота.

Манифестация приняла такие грандиозные размеры, что причинила досаду Виктору Эммануилу, почувствовавшему себя на втором плане: “Все Гарибальди и Гарибальди, – говорил с горечью il re ga'antuomo (король-джентльмен), – чем я провинился против римлян?”

Этот приезд Гарибальди в Рим не был последним. Соотечественники еще несколько раз имели случай видеть его, но с каждым разом замечали, как постепенно болезнь завладела боготворимым стариком. Он лежал в экипаже, как на больничной кровати, с парализованными, окоченелыми руками и при каждом сотрясении бледнел, сохраняя на лице болезненную улыбку. Глядя на него, нельзя было не желать ему смерти. Он сам ждал ее, ждал терпеливо, до последней минуты стараясь продолжать свое великое дело. Теперь оружием служило ему слово, и он до конца дней своих руководил антиклерикальным и демократическим движением, поставившим себе целью окончательное освобождение родины. Но этой ролью руководителя движения не исчерпываются труды его на пользу Италии в последние годы жизни. После кампании 1870 – 1871 гг. он занялся проектом ассенизации Агро-Романо путем осушения болот, нездоровые испарения которых гибельно отзывались на населении. При этом наряду с чисто гигиеническими задачами он преследовал еще и другие цели, надеясь возвратить когда-то богатому краю прежнее плодородие и рассчитывая, что новые общественные работы послужат к некоторому поднятию экономического быта нуждающейся части населения, доведенной до крайней нищеты и изнеможения непосильным бременем налогов.

2 июня 1882 года печальная весть разнесла по Италии: “Гарибальди скончался”. В следующие затем дни у пустынного острова, теперь совсем осиротевшего, заметно было необычайное движение; целый флот стоял на якоре в маленькой гавани Мадалены. Сюда прибыло несколько военных кораблей и пять или шесть больших пакетботов. Постоянно снующие взад и вперед лодки перевозили пассажиров на остров. Все города Италии отправили сюда самых именитых людей своих в качестве представителей. Насчитывали около двухсот муниципальных делегаций. Франция прислала делегацию от города Ниццы. Со всех стран стекались репортеры. Целые толпы посетителей, высадившись на берег, поднимались к скромному жилищу покойного. У дверей домика стоял почетный караул итальянских моряков. Менотти Гарибальди принимал посетителей и вводил их в погребальную комнату, буквально загроможденную цветами, которые так любил умерший. Здесь на небольшой железной

кровати покоилось тело великого человека. Прекрасное лицо его обращено было к морю и освобожденной с его помощью Италии.

Одет он был в обычную красную рубашку, перетянутую у пояса ремнем; на голове его была бархатная шапочка. Никто не мог удержаться от слез; по временам раздавались рыдания, большей частью старых товарищей по оружию покойного. Менотти едва успевал распечатывать приходившие тысячами телеграммы. В эти дни вся Италия облеклась в траур. В городах все балконы домов покрылись черными драпировками. Траурные флаги взвились на всех общественных зданиях и на вершинах церквей и соборов. Театры и магазины закрылись. В Милане, Мантуе и других городах Италии произошли торжественные народные манифестации. Правительство спешило выразить свое соболезнование по случаю печального события. Король Гумберт, в 1878 году наследовавший отцу своему, послал родным героя сочувственную телеграмму. Палата депутатов и сенат решили наложить траур на два месяца и на восемь дней прекратить заседания. Президент совета министров представил законопроект, в первой части которого предлагал отложить национальный праздник “Статута” до 18 июня, а во второй – покрыть издержки по погребению Гарибальди из государственной кассы и назначить пенсию в 10 тысяч лир вдове и каждому из пятерых детей покойного. Гарибальди не оставил состояния. В последнее время он получал от правительства две с половиной тысячи рублей ежегодной пенсии, которую принял, чтобы спасти честь одного из членов своей семьи, но после смерти его в доме не нашлось и 300 рублей. Он не только не придавал значения деньгам, но совсем не знал им цены и не сберегал их, а все, что у него было, тратил на дела благотворения или на нужды своих волонтеров. Еще в 1891 году семейству его был предъявлен в римский суд иск на 25 тыс. рублей, которые задолжал генерал за амуницию и провиант во время злосчастной экспедиции 1867 года.

В правительственных сферах возник вопрос относительно того, где и как воздать последнюю честь телу усопшего. Пять лет тому назад Гарибальди писал одному из друзей, высказывая свою последнюю и неизменную волю о том, как поступить с его телом после смерти. В письме этом он поручает другу предать его тело сожжению, сложив костер из ароматических деревьев в точно указанном месте на Капрере. Он просит, чтобы на костер поставлена была небольшая железная кровать и на ней положено его тело, одетое в красную рубашку; чтобы сохранена была в какой-нибудь урне горсть пепла и поставлена в могилу, где покоятся его две маленькие дочери. Последняя воля усопшего не

была исполнена в точности; тело его было набальзамировано и похоронено на Капрере. Предполагалось торжественно перенести его в Рим и похоронить на Яникульском холме в том месте, где покоятся кости гарибальдийцев, павших в 1849 году, и итальянских солдат, убитых в 1870 году, то есть у ворот св. Панкратия; но проект этот был оставлен.

Итальянский народ выразил свою любовь и благодарность к усопшему грандиозной манифестацией, названной ее организаторами “Апофеозом Гарибальди”. С самого утра 11 июня Рим начал готовиться к величественной церемонии. Шествие продолжалось не менее полутора часов. Во главе его шли воспитанники городских школ, технических училищ и университетов; за ними следовало международное артистическое общество с различными знаменами главнейших наций, сгруппированными вместе. Далее двигались антиклерикальные общества, а за ними бесчисленное множество рабочих и политических ассоциаций, где почти во всех почетным президентом был Гарибальди. За ними шли гарибальдийцы в своих красных рубашках, красных кепи с зелеными кантами, серых панталонах и небрежно повязанном шейном платке. Тихо двигалось шествие, сохраняя глубокое молчание в знак траура. За гарибальдийцами следовали франкмасоны со своими символическими знаменами, за ними пожарные, несущие сто знамен итальянских городов, впереди триумфальной колесницы, запряженной восемью белыми конями, покрытыми черными, вышитыми серебром чапраками. Посреди колесницы, окруженный бронзовыми трофеями, возвышался пьедестал с монументальным бюстом Гарибальди, венчаемым колоссальной статуей Италии. Колесница исчезала под грудою цветов, среди которых выделялся роскошный бронзовый щит, некогда поднесенный Гарибальди городом Мессиной. Выстроенные в два ряда вокруг колесницы гарибальдийцы несли дощечки с обозначением всех сражений, данных Гарибальди в Старом и Новом свете.

За колесницей шли представители парижского муниципального совета, за ними представители французской печати. Далее следовала бесчисленная масса народа.

Выйдя на площадь Капитолия, колесница остановилась у статуи Марка Аврелия. В течение этой остановки произнесены были речи депутатом Бовио, членом парижского муниципального совета Сонэком и депутатом Кавалотти, народным поэтом и любимым оратором демократии. Речь последнего неоднократно покрывалась горячими рукоплесканиями и криками толпы. Кавалотти воспользовался случаем, чтобы высказать, насколько желательно сближение двух родственных наций, итальянской и

французской, к которой питал такую сильную симпатию покойный. Впечатление речи было громадно; с этих пор апофеоз Гарибальди обратился в настоящую овацию Франции.

Между тем гарибальдийцы-офицеры сняли бюст с колесницы и внесли его в Капитолий. Раздался звон большого колокола Капитолийской башни, и звуки гарибальдийского гимна, сливаясь с мерными его ударами, волною разнеслись по площади, глубоко проникая в сердца *свободных сынов объединенной Италии.*

Так чествовал народ своего великого героя, сердце которого всегда и неизменно горело к нему беззаветной любовью и который еще при жизни рисовался воображению его каким-то сказочным, полумифическим существом.

Пораженная и очарованная обаятельною личностью доблестного патриота народная фантазия создала гарибальдийскую легенду, зачатки которой можно проследить еще в Америке. Среди монтевидеоских негров под именем el diabolo blanco[5] он слывет героем фантастических басен; монтевидеоские женщины, видя его триумфальный въезд в город на белом коне, встречают его криками: “Viva San Miguel!” Он напоминает им архангела Михаила и внушает суеверный трепет.

Австрийские кроаты называют его “красным чертом”, которого можно узнать по запаху серы, глаза которого горят, как окна ада, а борода составлена из огненных языков; который продал свою душу дьяволу, и потому ни одна пуля не берет его.

Иначе представляется он соотечественникам; в глазах их это – святой, это – архангел Михаил; портрет его ставится в молельне рядом с иконами; отправляясь в опасное плавание, рыбаки вешают себе на шею ладанки с изображением Мадонны и Гарибальди. Но настоящая легенда о Гарибальди ведет свое начало с сицилийского похода. Здесь он является существом, возникшим из соединения неба с адом, рожденным “d'un demonio e d'una santa”[6] – святой Розалии, патронессы Сицилии. Стремясь обнять весь цикл жизни героя, легенда хоронит его за 20 лет до смерти. Он уже давно умер, гласит она, при осаде Гаэты, но у него есть двенадцать братьев, все они белокурые и прекрасные, все храбрые, как дядя Пе[7].

Источники

1. Записки Гарибальди, изданные *А. Дюма.*

2.*General Bordone.* Garibaldi. 1807 – 1882.

3. *Elpis Melena.* Garibaldi. Mittheilungen aus seinem Leben. Hamburg. 1886.

4. *И. В.* Италия и Мадзини. 1808 – 1868. “Вестник Европы”, 1869, № 1, 5, 7.

5. *М.* Записки гарибальдийца. “Русский вестник”, 1861, № №35, 36.

6. *Невский.* Гарибальди. “Отечественные записки”, 1860, №133.

7. *С.Горский.* Джузеппе Гарибальди. Биогр. очерк. “Дело”, 1882, № 9.

8. *Жика.* Смерть Гарибальди. “Дело”, 1882, № 7.

9. *Алъбертини.* Политические обозрения. “Отечественные записки”, 1860 – 1866 гг.

10. *Афанасьев Г. Е.* Внешняя политика Наполеона III.

11. *Григорович.* Очерки новейшей истории.

12. *Файф.* История Европы XIX века.

notes

Примечания

1

Непобедимым воинам 8 февраля 1846 года

2

Священникам было принято сдирать перед казнью кожу с рук и с тонзуры

3

“Уходи!” *(ит.)*

4

Деревенское собрание

белый дьявол *(исп.)*

“от демона и святой” *(ит.)*

уменьшительное от Джузеппе